

Гилберт Кийт Честертон

Черный кот. Три орудия смерти (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055340

Три орудия смерти (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2014

ISBN 978-966-14-6935-7, 978-966-14-6936-4, 978-966-14-6932-6

Аннотация

Гилберт Кит Честертон – английский писатель, поэт, журналист. Наибольшую популярность ему принес цикл новелл об отце Брауне – неприметном священнике-детективе, который способен распутать самые головоломные преступления. Отец Браун составляет нешуточную конкуренцию самому Шерлоку Холмсу, а рассказы о нем вошли в сокровищницу мирового детектива.

Содержание

Демон непостижимой беспорочности	5
Три орудия смерти	7
Ошибка машины	16
Странное преступление Джона Бульнуа	26
Проклятие золотого креста	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Гилберт Кит Честертон

Три орудия смерти (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

* * *

Демон непостижимой беспорочности

Великий друг парадокса, остролов, умеющий наполнить богословием даже публицистическую ярость, мастер грандиозных высказываний по самым ничтожным поводам, Гилберт Кит Честертон был одним из тех многих британских писателей начала XX века, которых охватила истинная «детективная лихорадка». Популярность Шерлока Холмса оказалась столь же ошеломляющей, сколь и губительной для последователей Артура Конана Дойла: в негласном состязании с образом «лучшего сыщика всех времен» участвовали такие разные по стилю и по призванию авторы, как популярный комедиограф и поэт Пэлем Грэнвил Вудхауз, создатель Винни-Пуха Аллан Александр Милн, один из видных аристократов своего времени лорд Дансени и многие другие. Большинству из них не было суждено оставить в истории детективного жанра сколь-нибудь заметный след. Честертон же произвел в нем настоящую революцию, если подразумевать под этим словом принципиально новый взгляд на тему «преступления и наказания». Как литературный критик, Честертон отлично понимал «правила игры», установившиеся в этом жанре. Но как автор, чьи литературные интересы простирались от апологии христианства до вполне бульварных фельетонов, он умел находить ловушки и несурязицы даже в непреложных законах. Во многих своих эссе Честертон начинает беседу о чем-либо с жестокого разоблачения и низвержения общепринятых основ. Этим же приемом он воспользовался и в своих детективных рассказах. Кто сказал, что герой детективного произведения должен быть похожим на мистера Шерлока Холмса? А если это будет полная противоположность создателю дедуктивного метода?

Так был придуман неповторимый и ранее невозможный в детективном жанре отец Браун – смешной грузный коротышка в неизменной сутане и широкополой шляпе, чье незаметное вмешательство в расследование того или иного злодеяния всегда производит решающий эффект.

Гилберт Кит Честертон написал полсотни рассказов о приключениях отца Брауна, составивших пять сборников, но его пристрастие к детективной беллетристике этим не ограничилось. Читателям пришлось по душе и менее экстравагантные герои его рассказов – скептик Хорн Фишер и бывший преступник Фламбо. А лучше всего о любви Честертон к детективному жанру свидетельствует тот факт, что даже собственную «Автобиографию» он не без успеха пытался выстроить как некое расследование.

На первый взгляд, отец Браун – это карикатура на частного сыщика; трудно представить себе священнослужителя, идущего по следу кровавого маньяка. Впрочем, Честертон заботливо ограждает своего «следователя поневоле» от прямого столкновения с воплощенным злом. Как ни странно это звучит, целью отца Брауна является вовсе не поимка или разоблачение преступника. В большинстве случаев его участие в расследовании вызвано иными мотивами: оправдать невиновного, помочь оступившемуся, а иногда даже помешать слепому правосудию. Отца Брауна, в отличие от всех остальных действующих в детективной схеме персонажей, заботит в первую очередь моральная оценка происшествия. Он никогда не исключает вероятности, что злодей может оказаться жертвой, а невинный свидетель – коварным негодяем.

По большому счету для Честертон детективный рассказ – удачно подвернувшаяся возможность поделиться с читателем идеями, вполне уместными в тексте обычной церковной проповеди (что является их единственным недостатком).

Одна из вершин морально-детективной концепции Честертон – «Четыре праведных преступника» (Four Faultless Felons). В некоторых изданиях этот цикл рассказов публиковался под названием «Пять праведных преступников» – во-первых, чтобы сохранить авторскую аллитерацию; во-вторых, «праведных преступников» здесь можно насчитать и пять,

и шесть, а при желании – еще больше; это отдельная игра с любопытным читателем. Каждая история, повествующая о крайне странных и запутанных «преступлениях», ведет читателя к одному и тому же фантастическому финалу: мотив и цель всех противозаконных деяний – безупречная добродетель. Возможно ли, чтобы покушение на жизнь свершалось во благо жертвы? Чтобы пойманный за руку вор спасал подобным образом честь своей семьи? Чтобы предатель оказался народным героем? Чтобы мошенник и шарлатан боролся за справедливость? Честертон убедительно доказывает, что подобные случаи – не редкость и хорошие новости иногда приходят к нам из непроглядного мрака.

Отчасти эта уверенность – следствие недюжинного оптимизма, которым писатель отличался даже в самые тяжелые годы своей жизни. К тому же Честертон был человеком забывчивым – вплоть до курьезов. Выйдя из дому, он подчас не мог припомнить, куда собрался. В то же время он трогательно лелеял воспоминания своего детства, в котором все было просто, честно и благородно, как в кукольном театре, где добро неизменно побеждает. Именно поэтому отцу Брауну нет нужды демонстрировать чудеса отваги. Его главное оружие – знание человеческих душ, умение соизмерять человека и его поступки.

Так, например, наблюдательному священнику достаточно первого впечатления об ученом-затворнике из рассказа «Странное преступление Джона Бульнуа» или о пьянице из «Трех орудий смерти», чтобы понять: вина этих людей не имеет ничего общего с предъявленными им обвинениями.

Да и само понятие вины в рассказах Честертонa всегда подлежит отдельному толкованию. В блестящем «герметическом детективе» «Невидимка» убийство удалось бы предотвратить, если бы не такая, казалось бы, абстрактная вещь, как обычное человеческое высокомерие. Эта же идея находит развитие в рассказе «Ошибка машины».

Впрочем, и сам отец Браун не настолько уж непогрешим. В одном из рассказов его вовлекают в чудовищную авантюру («Воскресение отца Брауна»), в другом – он не настолько прозорлив, чтобы рассмотреть в облике человека, обратившегося к нему за помощью, опасного сумасшедшего («Проклятие золотого креста»).

Весь корпус детективных сочинений Г. К. Честертонa – это лишь малая часть наследия выдающегося английского мыслителя. И, объективно говоря, вряд ли наиболее ценная. Однако посвятивший свою жизнь проповеди Честертон был услышан широкой общественностью именно благодаря своим детективным рассказам.

Публика никогда не любила назидательности – особенно в «легких» жанрах. Честертон, призвавший на помощь «демона беспорочности», в своем творчестве провернул небывалую авантюру. Вместо того чтобы «подмешивать» мораль в свои рассказы, он умудрился наполнить нравственность детективным содержанием.

Три орудия смерти

И по роду занятий, и в силу убеждений отец Браун знал лучше, чем кто-либо из нас, что смерть облагораживает любого. Но даже он был ошеломлен, когда утром к нему постучали и сообщили, что убит сэр Аарон Армстронг. Сама мысль о жестоком, тайном насилии была совершенно несовместима с тем жизнерадостным образом, который жил в сердцах англичан. Ибо добродушие сэра Аарона Армстронга представлялось почти забавным, а слава его была едва ли не легендарной. Наверное, такое же впечатление произвела бы весть о том, что повесился Солнечный Джим или мистер Пиквик¹ скончался в Хэнуэлле².

Хоть сэр Аарон был филантропом и, следовательно, соприкасался с темной стороной нашего общества, он гордился тем, что всегда делал это с улыбкой на лице. Его политические и общественные выступления сопровождались водопадами шуток и веселых рассказов, которые всякий раз заканчивались «общим смехом», сам он отличался великолепным здоровьем, был настоящим, неподдельным оптимистом и обсуждал проблему пьянства (это была его любимая тема) с неизменной и даже слегка навязчивой веселостью, которая так часто является отличительной чертой совершенных трезвенников, достигших больших высот в жизни.

С более пуританских трибун и подмостков часто звучала история его обращения: как он в юном возрасте от шотландской теологии перешел к шотландскому виски и как впоследствии перерос и первое, и второе и (как он скромно выражался) стал тем, кем он есть. Но тем, кто на бесчисленных званных обедах и конгрессах видел его широкую седую бороду, ангельское лицо и сверкающие очки, с большим трудом удавалось убедить себя, что этот человек когда-то мог быть столь жалким существом, как выпивоха или какой-нибудь кальвинист. При взгляде на него создавалось ощущение, что это самый серьезный весельчак из всех сынов человеческих.

Дом его на загородной окраине Хампстеда³ был высоким и узким, нечто вроде современной башни, впрочем, внешне достаточно красивой. Самая узкая из его нешироких стен нависала над зеленым крутым склоном железнодорожной насыпи и содрогалась всякий раз, когда мимо проезжал поезд. У сэра Аарона Армстронга, как он сам о себе частенько говорил, не было нервов. Но если обычно поезд сотрясали дом, то в то утро роли поменялись и дом причинил потрясение поезду.

Поезд замедлил ход и остановился как раз у того места, где угол здания соприкасался с крутой, поросшей травой насыпью. Остановка большинства механических машин происходит медленно, но в данном случае живая составляющая этого процесса действовала стремительно. Человек, одетый во все черное, вплоть до (это особо запомнилось свидетелям) такой внушающей ужас мелочи, как перчатки, выскочил на рельсы впереди поезда и замахал черными руками, как черная ветряная мельница. Само по себе это не могло остановить даже медленно движущийся поезд, но человек при этом издал такой крик, который впоследствии называли чудовищным и совершенно неестественным. Это был один из тех воплей, смысл которых понятен, даже если когда мы не можем расслышать слов. В этом случае прозвучало лишь одно слово: «Убийство!»

¹ Солнечный Джим – созданный в 1902 г. для рекламы пшеничных хлопьев вымышленный персонаж. Мистер Пиквик – персонаж Диккенса. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Хэнуэлл – больница для душевнобольных в Лондоне.

³ Район на севере Лондона.

Впрочем, машинист поезда клянется, что остановил бы машину, если бы услышал даже не само слово, а одну лишь ту ужасающую и не оставляющую сомнений интонацию, с которой оно было произнесено.

Едва поезд затормозил, даже при самом поверхностном взгляде стали заметны многочисленные признаки беды. Облаченный в черное человек на железнодорожном полотне был лакеем сэра Аарона Армстронга по имени Магнус. Баронет в минуты веселья не раз смеялся над черными перчатками своего угрюмого слуги, но в тот миг никто бы не улыбнулся, глядя на него.

Как только несколько человек, выпрыгнувших из поезда, перешагнули через окутанные паром кусты, отделяющие дорогу от сада Армстронга, под насыпью они увидели тело старика в желтом халате с ярко-красной подкладкой. Ноги его были спутаны веревкой, которую завязали, судя по всему, в борьбе. Были заметны несколько пятен крови, очень небольших, но тело лежало в такой неестественной позе, которую ни одно живое существо не в состоянии принять. Это был сэр Аарон Армстронг. Спустя несколько мгновений всеобщего изумления и замешательства появился рослый светлородый мужчина, в котором несколько пассажиров поезда узнали секретаря убитого, Патрика Ройса, человека некогда небезызвестного в богемном обществе и даже знаменитого среди художественной богемной среды. В более сдержанной, но еще более убедительной манере он стал вторить горестным стенаниям слуги. К тому времени, когда в сад, дрожа всем телом и покачиваясь, вышла третья из обитателей этого дома, Алиса Армстронг, дочь покойного, машинист прекратил стоянку. Раздался свисток, и поезд на всех парах помчался вперед, к ближайшей станции, за помощью.

Таким образом, отцу Брауну пришлось в срочном порядке отправиться на место происшествия по просьбе богемного секретаря Патрика Ройса. По рождению Ройс был ирландцем, и из таких, кто вспоминает о религии только тогда, когда доходит до ручки. Впрочем, просьба Ройса, вероятно, и не нашла бы такого живого отклика, если бы один из следователей не оказался другом и почитателем Фламбо, а быть другом Фламбо и не слышать бесчисленных историй об отце Брауне невозможно. Поэтому, пока молодой сыщик (по фамилии Мертон) вел за собой маленького священника по полям к железнодорожному полотну, разговор их проходил в более непринужденной форме, чем можно было ожидать от людей, никогда ранее не встречавшихся.

– Если честно, – откровенно признался мистер Мертон, – во всем этом я не вижу смысла. Подозреваемых нет. Магнус – мрачный старый недалекий болван. Настолько недалекий, что не может быть убийцей. Ройс много лет был лучшим другом баронета. Дочь его обожала. Кроме того, это вообще в голове не укладывается! Кому могло понадобиться убивать такого старика-весельчака? Кому нужна кровь этого любителя послеобеденных выступлений? Это все равно что убить Деда Мороза.

– Да, в этом доме было весело, – согласился отец Браун. – Пока он был жив, там было весело. Как вы думаете, теперь, когда его не стало, там будет так же весело?

Мертон слегка вздрогнул и бросил на спутника оживившийся взгляд.

– Когда его не стало? – повторил он.

– Да, – невозмутимо продолжил священник. – Он был веселым человеком. Но передавалась ли его веселость другим? В самом деле, кто-нибудь, кроме него, в этом доме был весел?

Окошко в голове Мертона озарилось тем странным светом удивления, в котором мы начинаем замечать то, что нам известно давным-давно. Ему часто приходилось бывать у Армстронга по работе (занятие благотворительностью не обходится без общения с полицией), и теперь, когда он задумался, ему стало понятно, что это был довольно мрачный дом. Холодные комнаты с высокими потолками, убогая, провинциальная обстановка, сквоз-

няк, гуляющий по коридорам, освещенным электрическим светом, светом более тусклым, чем лунный. И хоть краснощекое лицо и серебряная борода хозяина освещали точно огнем каждую комнату и каждый коридор, через которые он проходил, тепла за собой они не оставляли. Несомненно, гнетущее впечатление, которое производил дом, до определенной степени объяснялось пышущей жизненной силой и неувядающей энергией его владельца, который, бывало, говорил, что ему не нужны ни камины, ни лампы, пока не иссякла его внутренняя теплота. И все же, когда Мертон припомнил остальных обитателей дома, ему пришлось признать, что все они тоже казались лишь тенью Армстронга. Угрюмый слуга с его жуткими черными перчатками своим видом при неожиданной встрече мог даже испугать. Секретарь Ройс, крепкий, как бык, мужчина в неизменном твидовом костюме, выглядел достаточно представительно, но в его короткой соломенной бороде странным образом пробивалась седина, а по широкому лбу пролегли преждевременные морщины. Он тоже являлся достаточно добродушным, но это было грустное добродушие, почти скорбное добродушие... Он оставлял впечатление человека, которому пришлось пережить какое-то горе. А что касается дочери Армстронга, то по ее лицу, такому бледному и чувствительному, трудно было даже поверить, что она – его дочь. Она была изящна и стройна, но сами очертания фигуры ее чем-то напоминали молодую осинку, трепещущую на ветру. Мертон иногда думал, не дрожит ли она всякий раз, когда мимо дома с грохотом проносится очередной поезд.

– Видите ли, – застенчиво моргая, произнес отец Браун, – мне кажется, что веселость Армстронга была не так уж радостна... для остальных. Вот вы говорите, что никто не мог покуситься на такого счастливого старика, но я не могу с этим согласиться. *Ne nos inducas in tentationem*⁴. Если бы я кого-нибудь убивал, – с простодушным видом добавил он, – это, скорее всего, был бы человек веселого нрава.

– Но почему? – удивился Мертон. – Вы считаете, люди не любят весельчаков?

– Люди любят частый смех, – ответил отец Браун, – но не любят постоянную улыбку. Веселость без юмора – очень утомительная штука.

Какое-то время они молча шли по обдуваемой ветром, поросшей травой насыпи, но, едва путники ступили в длинную тень дома Армстронга, отец Браун неожиданно снова заговорил, как человек, которому проще высказать вслух и забыть какую-то беспокойную мысль, чем серьезно обсудить ее.

– Конечно, выпивка сама по себе ни плоха и ни хороша, но порой у меня возникает чувство, что такие люди, как Армстронг, иногда прикладываются к стакану специально, чтобы сбить себе настроение.

Начальник Мертона, седоватый опытный сыщик сыскной полиции по фамилии Гилдер, стоял на зеленом склоне насыпи в ожидании коронера и разговаривал с Патриком Ройсом, который нависал над ним широкими плечами, жесткой бородкой и коротко стриженной огромной головой. Стрижка его была тем более заметна, что Ройс, занимаясь своими маленькими домашними и церковными делами, всегда держал могучую голову тяжело и покорно опущенной, как буйвол, запряженный в легкую коляску.

Однако при виде священника он просиял и отвел его на пару шагов в сторонку. Мертон тем временем заговорил со старшим сыщиком, достаточно почтительно, но голосом, не лишенным мальчишеской нетерпеливости.

– Как наша загадка, мистер Гилдер? Выяснили что-нибудь?

– Нет тут никакой загадки, – ответил Гилдер, глядя из-под сонно опущенных век на грачей.

⁴ Не введи нас в искушение (*лат.*). Слова из так называемой Молитвы Господней («Отче наш») – Евангелие от Матфея, 6:13.

– По-крайней мере, для меня есть, – улыбнулся Мертон.

– Все очень просто, мой мальчик, – заметил опытный инспектор, почесав седую острую бородку. – Ровно через три минуты после того, как вы ушли за священником мистера Ройса, все прояснилось. Вы помните этого слугу в черных перчатках и с бледным, точно кусок теста, лицом, который поезд остановил?

– Еще бы. Иногда, когда я с ним сталкивался, у меня, бывало, мурашки по коже пробегали.

– Ну так вот, – лениво растягивая слова, продолжил Гилдер. – Когда поезд ушел, выяснилось, что он тоже исчез. Неплохо сработано, да? Нужно быть очень хладнокровным преступником, чтобы скрыться на том же поезде, который поехал за полицией.

– А вы, кажется, не сомневаетесь, – заметил молодой человек, – что это он убил хозяина?

– Да, сынок, не сомневаюсь, – сухо ответил Гилдер, – по той простой причине, что он прихватил с собой двадцать тысяч фунтов в ценных бумагах, которые лежали в письменном столе его хозяина. Теперь единственная сложность заключается в том, чтобы выяснить, каким образом он его убил. Убитому раскроили череп, похоже, каким-то большим предметом, но нигде поблизости ничего подходящего мы не нашли, а убийце было бы не с руки таскаться с такой штукой. Разве что оружие достаточно маленькое, чтобы его можно было спрятать.

– Или достаточно большое, чтобы его не заметили, – вставил священник, издав непонятный короткий смешок.

Гилдер, услышав это удивительное замечание, медленно повернулся и, сурово глядя на Брауна, заинтересовался, что он хочет этим сказать.

– Да-да, это довольно глупо прозвучало, – извиняющимся тоном произнес отец Браун. – Как будто сказка какая-то. Но несчастный Армстронг был убит дубинкой великана, орудием, которое в самом деле слишком велико, чтобы его можно было увидеть, и которое мы называем землей. Он разбился об эту самую землю, на которой мы стоим.

– Как это? – быстро спросил сыщик.

Отец Браун поднял круглое, как луна, лицо и смиренно посмотрел на узкую стену дома. Проследив за его взглядом, в правом верхнем углу этой глухой части дома они увидели распахнутое мансардное окно.

– Его сбросили оттуда, – пояснил он, по-детски застенчиво ткнув пальцем в сторону окна.

Гилдер, насупив брови, какое-то время рассматривал окно, потом произнес:

– В принципе, это возможно. Но я не понимаю, почему вы так уж в этом уверены.

Серые глаза Брауна широко распахнулись.

– Как, разве вы не видите? У трупа на ноге кусок веревки, а из угла окна свисает другой конец.

На такой высоте веревка казалась мельчайшей пылинкой или обрывком волоска, но проникательному сыщику этого было достаточно.

– Вы совершенно правы, сэр, – сказал он отцу Брауну. – Очко в вашу пользу!

Как только были произнесены эти слова, слева от них из-за поворота выехал специальный поезд с одним вагоном. Остановившись, он исторгнул из себя еще одну группу полицейских, в гуще которых показался подлый лик Магнуса, сбежавшего слуги-убийцы.

– Смотри ты, они взяли его! – воскликнул Гилдер и неожиданно прытко направился навстречу коллегам. – Деньги у вас? – крикнул он ближайшему полицейскому.

Тот как-то растерянно посмотрел на него и произнес:

– Нет, – а потом прибавил: – По крайней мере, не здесь.

– Простите, кто из вас инспектор? – спросил тут человек по фамилии Магнус.

Как только он заговорил, всем тут же стало понятно, как ему удалось голосом остановить поезд. Это был мужчина с тусклым, бесцветным лицом и ровными черными волосами. В разрезе глаз и контуре рта его чувствовалась легкая примесь востока. Впрочем, происхождение и имя брюнета оставались загадкой еще с тех пор, как сэр Аарон «спас» его, забрав под свое крыло из одного лондонского ресторана, где тот подвизался официантом. Поговаривали, правда, что в его биографии были и еще более постыдные страницы. Но голос у него был столь же впечатляющим, сколь неприметным было его лицо. То ли из-за манеры слишком четко выговаривать звуки иностранного языка, то ли из-за предупредительности к своему хозяину (который был несколько глуховат), Магнус разговаривал голосом удивительно резким, можно даже сказать пронзительным, и, когда он заговорил, все, кто был рядом, вздрогнули от неожиданности.

– Я знал, что это случится, – без тени смущения громогласно объявил он, и в голосе его даже были слышны скорбные нотки. – Несчастный хозяин подсмеивался надо мной за то, что я ношу черное, но я всегда отвечал, что должен быть готов к его похоронам.

И он сделал быстрое движение руками в черных перчатках.

– Сержанти, – сказал инспектор, с отвращением глядя на черные руки, – почему этот человек еще не в наручниках? Мне кажется, он довольно опасен.

– Э-э-э... Сэр, – произнес сержанти все с тем же странным незадачливым выражением на лице, – я не подумал, что это необходимо.

– То есть как? – строгим тоном произнес инспектор. – Вы что, не арестовали его?

Едва заметная презрительная усмешка тронула тонкогубый рот, и свист приближающегося поезда как будто поддержал скрытую издевку.

– Мы арестовали его, – серьезно ответил сержанти, – как раз когда он выходил из полицейского участка в Хайгете⁵, где он передал все деньги своего хозяина инспектору Робинсону.

В полнейшем изумлении Гилдер посмотрел на слугу.

– Зачем вы это сделали? – ахнул он.

– Чтобы уберечь их от преступника, разумеется, – безмятежно ответил подозреваемый.

– Но деньги сэра Аарона, – сказал Гилдер, – были бы в большей безопасности, если бы остались у семьи сэра Аарона.

Последние слова этого предложения потонули в реве поезда, с грохотом и лязгом тронувшегося с места, но сквозь адский шум, который время от времени сотрясал этот несчастный дом, им был слышен каждый слог ответа Магнуса во всей их звонкоголосой отчетливости.

– Я не доверяю членам семьи сэра Аарона.

В этот миг у всех стоящих неподвижно мужчин появилось потустороннее ощущение нового присутствия, и Мертон почти не удивился, когда поднял глаза и над плечом отца Брауна увидел бескровное лицо дочери Армстронга. Она была достаточно молода и красива своей бледностью, но каштановые волосы ее имели тот тусклый, безжизненный оттенок, который, если на них падала тень, делал их совершенно серыми.

– Думайте, что говорите, – сердито бросил Ройс. – Вы испугали мисс Армстронг.

– Надеюсь! – отчетливо произнес человек в черном. Женщина моргнула, все остальные удивились, и он продолжил: – Я уже достаточно привык к испугам мисс Армстронг. Я годами наблюдаю, как она дрожит все время. Кто говорит, что она дрожит от холода, кто – что от страха, но я-то знаю, что дрожит она от лютой ненависти и злости... этих демонов, которые пировали здесь сегодня утром. Если бы не я, она бы уже сбежала со своим любов-

⁵ Район в северной части Лондона, граничит с Хампстедом.

ником и с деньгами. После того как мой несчастный хозяин запретил ей выходить за этого подлеца, за этого пьяницу...

– Замолчите! – сурово вскричал Гилдер. – Никому нет дела до ваших фантазий или подозрений. До тех пор, пока у вас нет доказательств, ваше мнение...

– О, вам нужны доказательства? Я их предоставляю, – отрезал Магнус. – Вы хотите услышать мои свидетельские показания, мистер инспектор? Пожалуйста! Клянусь говорить только правду. А правда такая: через секунду после того, как старика, истекающего кровью, вытолкнули из окна, я вбежал в мансарду и увидел там его дочь, которая лежала в обмороке на полу и все еще сжимала в руке кинжал. Позвольте и его предоставить уважаемому суду. – Он достал из кармана длинный окровавленный нож с рукояткой в форме рога и любезно передал его сержанту. После этого снова отступил назад и расплылся в довольной насмешливой улыбке, отчего его узкие глаза превратились в щелочки и он сделался поразительно похож на китайца.

Мертон при взгляде на эту физиономию почувствовал гадливость, почти физическое отвращение.

– Нужно послушать, что скажет на это мисс Армстронг, – шепнул он Гилдеру.

Отец Браун неожиданно поднял лицо удивительно ясное и свежее, словно он только что умылся.

– Да, – промолвил он, излучая простодушие, – но будут ли слова мисс Армстронг противоречить его словам?

Тут девушка издала какой-то странный короткий испуганный вскрик, и все взоры обратились к ней. Была она совершенно неподвижна, будто парализована, только лицо, обрамленное тускло-каштановыми волосами, сохранило живость и выражало полнейшее недоумение. Она стояла так, будто на горло ей накинули лассо и затянули петлю.

– Этот человек утверждает, – судейским голосом произнес мистер Гилдер, – что видел вас с ножом в руке сразу после убийства и вы были без чувств.

– Он говорит правду, – ответила Алиса.

Не успели они опомниться от этого признания, как в их круг, склонив огромную голову, вступил Патрик Ройс и произнес удивительные слова:

– Ну, пропадать так пропадать! Но сначала не откажу себе в удовольствии...

Могучее плечо великана вздыбилось, и огромный железный кулак опустился на улыбающуюся монгольскую физиономию Магнуса, отчего тот растянулся на земле, раскинув руки и ноги, точно морская звезда. Двое-трое полицейских тут же схватили Ройса, но всем остальным показалось, что мир вдруг сошел с ума и здравый разум обернулся вакханалией безумства.

– Спокойно, мистер Ройс! – строго прикрикнул Гилдер. – Я арестую вас за нападение.

– Нет, – ответил секретарь, и голос его прозвучал, точно удар в гонг. – Вы арестуете меня за убийство.

Гилдер бросил тревожный взгляд на сбитого с ног, но, поскольку тот уже сидел на траве и вытирал с почти не пострадавшего лица несколько капель крови, лишь коротко произнес:

– Как вас понимать?

– Все было так, как он говорит, – объяснил Ройс. – Да, мисс Армстронг лишилась чувств с ножом в руках. Но она взялась за нож не для того, чтобы напасть на отца, а чтобы защитить его.

– Защитить? – переспросил Гилдер. – От кого?

– От меня, – ответил секретарь.

Алиса посмотрела на него со смешанным чувством и тихо произнесла:

– Несмотря ни на что, я рада, что у вас хватило на это мужества.

– Давайте поднимемся наверх, – тяжелым голосом сказал Патрик Ройс. – Я покажу вам, как все было.

В мансарде, которая служила и личной комнатой секретаря (надо сказать, довольно маленькое помещение для такого огромного отшельника), их взорам действительно предстали следы разыгравшейся здесь драмы. Почти посередине комнаты на полу лежал большой револьвер, будто отброшенный в пылу борьбы, чуть левее поблескивала бутылка виски, открытая, но не совсем пустая. Скатерть, сорванная с небольшого столика, валялась бесформенной кучей на полу. Через подоконник свешивался кусок веревки, такой же, как на теле трупа. На каминной полке лежали осколки двух ваз, остатки третьей разлетелись по ковру.

– Я был пьян, – сказал Ройс, и это простое объяснение преждевременно постаревшего мужчины чем-то напомнило первое детское признание в грехе. – Вы все обо мне знаете, – хрипловатым от волнения голосом продолжил он. – Всем известно, с чего началась моя история. Да этим же, видно, и закончится. Когда-то меня считали умным человеком, может быть, когда-то я был счастлив... Армстронг вытащил то, что осталось от моего разума и тела из таверны, и был всегда добр ко мне, бедняга! Только он запрещал мне жениться на Алисе, и – знаете что? – правильно делал! Ну, я думаю, вы и сами уже поняли, что к чему. В углу – это моя бутылка виски, и она, как видите, наполовину пустая; на ковре – мой револьвер, и барабан в нем пустой. На трупе – веревка из моего комода, и труп был выброшен из моего окна. Не нужна армия сыщиков, чтобы понять, что я натворил. В мире такое происходит сплошь и рядом. Я готов отправиться на виселицу, и, ей-богу, давайте закончим на этом!

Инспектор Гилдер сделал деликатное движение рукой, полицейские молча обступили здоровяка, чтобы увести, но в нерешительности замялись – их поразила удивительная картина: отец Браун, стоявший у двери, вдруг ни с того ни с сего опустился на четвереньки, как будто вдруг решил в такой неподобающей позе предаться какой-то странной молитве. Будучи напроочь лишенным чувства собственного достоинства, приличествующего его сану и положению, он несколько секунд продолжал оставаться в такой позиции, а потом поднял круглое сияющее лицо и принял вид четвероногого существа с забавной человеческой головой.

– Нет, так не пойдет, – весело сказал он. – Вначале вы сказали, что не нашли никакого оружия, но, оказывается, его, наоборот, слишком много! Нож, которым можно зарезать, веревка, которой можно задушить, и пистолет, которым можно застрелить. И при этом всем человек умер от того, что выпал из окна и сломал шею! Так не пойдет. Слишком расточительно. – И он покачал головой, как лошадь на выпасе.

Инспектор Гилдер раскрыл рот, чтобы дать какой-то серьезный ответ, но, прежде чем он успел заговорить, фантастическая фигура на полу словоохотливо продолжила:

– А теперь три совершенно невозможных вещи. Во-первых, эти дыры в ковре, куда вошли шесть пуль. Зачем кому-то понадобилось расстреливать ковер, скажите на милость? Пьяный целится в голову своему обидчику, туда, где видит его улыбку. Он ведь не с ногами его ссорится и не тапочки берет в осаду. А веревка? – Покончив с ковром, рассказчик сунул руки в карманы, но продолжал как ни в чем не бывало стоять на коленях. – Ну скажите, сколько надо было выпить, чтобы завязывать веревку человеку на шее, а в конечном итоге завязать ее у него на ноге? По крайней мере, Ройс был не настолько пьян, иначе сейчас бы он не разговаривал с нами, а лежал бы, как бревно, и спал. И самое простое – бутылка виски. Вы хотите сказать, что алкоголик отчаянно дрался за бутылку, а когда победил, отбросил ее в угол, вылив половину содержимого? Это последнее, что стал бы делать алкоголик. – Священник неуклюже поднялся на ноги и с укоризной в голосе сказал самозваному убийце: – Прошу меня извинить, дорогой сэр, но вся ваша история – совершенный вздор.

– Сэр, – негромко обратилась Алиса Армстронг к священнику. – Можно мне сказать вам пару слов наедине?

Эта просьба заставила разговарившегося клирика выйти на лестничную площадку, и, когда они зашли в соседнюю комнату, прежде чем он успел что-то сказать, девушка заговорила сама, и в голосе ее послышалась странная горечь.

– Вы – умный человек, – сказала она, – и, я знаю, вы пытаетесь спасти Патрика. Но это бесполезно. У этого дела очень темная подоплека, и чем больше вы выясните, тем хуже будет несчастному человеку, которого я люблю.

– Почему? – спросил он, бесстрастно глядя на нее.

– Потому что, – так же бесстрастно ответила она, – я своими глазами видела, как он это сделал.

– Вот как, – все так же невозмутимо произнес Браун. – И что же он сделал?

– Я была здесь, в этой комнате, рядом с ними, – стала рассказывать она. – Обе двери были закрыты, но неожиданно я услышала голос, жуткий голос, он повторял одно и то же: «Ад, ад, ад!» А потом обе двери содрогнулись от первого выстрела. Грохнуло еще трижды, прежде чем я выбежала на лестницу и открыла дверь соседней комнаты. Она была вся в дыму, но пистолет дымился в руке моего бедного безумного Патрика. На моих глазах он выстрелил еще два раза, а потом набросился на отца, который в ужасе жался к окну, схватил его и попытался задушить веревкой. Он набросил ее ему на шею, но, пока они боролись, она через плечи сползла вниз на ноги. В конце концов веревка запуталась на одной ноге, Патрик схватил ее и, точно обезумев, дернул изо всех сил. Тогда я подхватила лежащий на ковре нож, бросилась к ним, перерезала веревку и потеряла сознание.

– Понятно, – тем же бесцветным и вежливым голосом произнес отец Браун. – Благодарю вас.

Девушку живые воспоминания о недавно пережитом так взволновали, что она, тяжело дыша, опустилась на кресло, а священник молча прошествовал в соседнюю комнату, где к этому времени остались только Гилдер, Мертон и Патрик Ройс, сидевший на стуле в наручниках. Отец Браун обратился к инспектору:

– Могу ли я поговорить с задержанным? И не могли бы вы на минуту снять с него эти смешные браслеты?

– Он – очень сильный человек, – вполголоса произнес Мертон. – Почему вы хотите, чтобы я снял наручники?

– Потому что надеюсь иметь честь пожать ему руку, – смиренно ответил священник. Оба сыщика удивленно уставились на него, и отец Браун прибавил, обращаясь к секретарю: – Может быть, вы сами им все расскажете, сэр?

Человек на стуле покачал взъерошенной головой, и священник нетерпеливо обернулся.

– Тогда я расскажу, – сказал он. – Дела личного характера важнее того, что о тебе подумают в обществе. Я спасу жизнь, а мертвые пусть хоронят своих мертвецов.

Он подошел к роковому окну, недолго постоял молча, несколько раз моргнул и продолжил рассказ:

– Я уже говорил, что в этом деле слишком много орудий убийства и лишь одна смерть. Теперь я могу сказать, что эти вещи использовались не как оружие и не для того, чтобы убить. Все эти мрачные инструменты – веревка с петлей, окровавленный нож, разряженный револьвер, – как ни странно, были инструментами спасения. Они были использованы не для того, чтобы убить сэра Аарона, а чтобы спасти его.

– Спаси! – удивленно повторил Гилдер. – От чего же?

– От самого себя, – ответил отец Браун. – Он был сумасшедшим с навязчивой идеей наложить на себя руки.

– Что? – изумился Мертон. – Но он же был таким веселым! И всех призывал радоваться жизни, как проповедник, исповедующий веселье.

– Это жестокое вероисповедание, – произнес священник, глядя в окно. – Может быть, ему нужно было дать выплакаться, как делали все его предки? Душа его окостенела, взгляды перестали развиваться, за этой маской веселья скрывался пустой разум атеиста. Наконец, чтобы соответствовать привычному образу весельчака, он взялся за бутылку, к нему вернулась привычка, которую он оставил много лет назад. Но в этом и заключается ужас алкоголизма для убежденного трезвенника: он слишком живо представляет себе и даже ждет того психологического ада, от которого так долго предостерегал других. Несчастный Армстронг не смог долго противиться этому наваждению, и к сегодняшнему утру он уже был в таком состоянии, что мог только сидеть у себя в комнате и кричать, что он в аду, таким страшным голосом, что его не узнала даже родная дочь. Он полностью, до смерти обезумел и, не осознавая, что делает, окружил себя вещами, которые представлялись ему воплощением смерти: веревка с петлей, револьвер друга, нож. Ройс случайно оказался в этот миг рядом и вошел в комнату. Действовал он молниеносно. Отшвырнул за спину нож, схватил револьвер и, не имея времени разрядить его, просто выпустил в пол все шесть пуль. Но самоубийца увидел четвертый облик смерти – он рванулся к окну. Спасителю ничего не оставалось делать, как броситься за ним, схватить его и попытаться связать по рукам и ногам. Именно тогда в комнату вбежала несчастная девушка и, неправильно поняв смысл борьбы, кинулась перерезать веревку, чтобы освободить отца. Но первый ее удар попал в руку бедного Ройса, и это была единственная пролитая при этом кровь. Вы заметили, что на лице слуги осталась кровь, хотя на нем не было ран? Но несчастная девушка, прежде чем лишилась чувств, успела нанести еще один удар. На этот раз он достиг цели, веревка была перерезана, и ее отец вылетел из окна в вечность.

В мансарде надолго повисла тишина. Нарушило ее металлическое бряцанье наручников, когда Гилдер стал снимать их с запястий Патрика Ройса.

– Знаете, сэр, – сказал сыщик освобожденному секретарю, – мне придется рассказать всю правду. Вы и юная леди стоите больше, чем красивый некролог Армстронга.

– Да к черту некролог Армстронга! – неожиданно закричал Ройс. – Вы что, не понимаете, что все это было нужно для того, чтобы она этого не узнала?

– Чего не узнала? – спросил Мертон.

– Чего? Да того, тупица, что она убила собственного отца, – бешено закричал секретарь. – Если бы не она, он был бы сейчас жив! Она не перенесет, если узнает об этом.

– Я думаю, перенесет, – сказал тут отец Браун, поднимая шляпу. – Наверное, будет лучше, если я ей об этом расскажу. Даже самые страшные ошибки не отравляют жизнь так, как грехи. Как бы то ни было, я думаю, теперь вы с ней будете счастливы. А меня еще ждут в школе для глухих.

Когда он снова вышел на улицу и ступил на колышущуюся траву, его остановил знакомый из Хайгета, который сказал:

– Прибыл коронер. Сейчас начнется дознание.

– Меня ждут в школе для глухих, – ответил отец Браун. – Извините, я не смогу задержаться на дознание.

Ошибка машины

Как-то под вечер Фламбо и его друг священник сидели в саду у «Темпла»⁶, и то ли из-за близости адвокатской школы, то ли по какой другой случайной причине заговорили они о судопроизводстве. Сначала речь шла о допустимых вольностях при перекрестных допросах, потом – о римских и средневековых пытках, о французских следователях и наконец об американских допросах третьей степени⁷.

– Недавно я читал, – сказал Фламбо, – об этом новом психометрическом методе, про который сейчас столько разговоров, особенно в Америке. Ну, вы знаете, человеку к запястью приставляют измеритель пульса и следят, как бьется его сердце, когда произносят разные слова. Вы что об этом думаете?

– Любопытно, – откомментировал отец Браун. – Это мне напоминает одну интересную средневековую легенду о том, что, если к трупу прикоснется убийца, у того из ран якобы выступит кровь.

– Неужели вы полагаете, – удивился его друг, – что эти два метода стоят друг друга?

– Я полагаю, оба они гроша ломаного не стоят, – возразил Браун. – Есть миллионы причин, заставляющих кровь течь или не течь в живых или в мертвых, о которых нам неизвестно ничего. Но что бы кровь ни выделявала, пусть даже снизу вверх по Маттерхорну⁸ течет, я все равно не стал бы ее проливать.

– А некоторые величайшие американские ученые, – сказал Фламбо, – одобрили этот метод.

– Ученые вообще склонны к сентиментальности, – заметил отец Браун, – а американские и подавно! Ну кто, кроме янки, мог бы додуматься доказывать что-то частотой сокращения сердца? Да они так же сентиментальны, как тот мужчина, который, видя, что женщина краснеет, полагает, что она в него влюблена. Все эти опыты, основанные на кровообращении, открытом еще великим Гарвеем⁹, – совершеннейший вздор.

– И все же, – не унимался Фламбо, – подобные вещи наверняка на что-то указывают.

– Если даже палкой на что-то указать, – ответил священник, – это и то ни о чем не скажет. Почему? Да потому что второй конец палки всегда указывает в противоположную сторону. Все зависит от того, за какой конец взяться. Однажды я был свидетелем чего-то подобного и с тех пор в такие штуки не верю.

И он поведал другу историю своего разочарования.

Случилось это почти двадцать лет назад, когда он занимал должность капеллана в чикагской тюрьме. Ирландцы-католики в этом городе грешили и раскаивались с одинаковым усердием, так что без дела он обычно не сидел. В тюрьме главным человеком был комендант, бывший сыщик, звали которого Грейвуд Ашер, бледный как мертвец, вежливый философ, американец с непроницаемым лицом, на котором иногда, без видимых причин, появлялась странная извиняющаяся гримаса. Отец Браун нравился ему, и он относился к нему в некоторой степени покровительственно. Отец Браун тоже не испытывал к начальнику тюрьмы неприязни, но вот к теориям его питал отвращение. Теории эти были чрезвычайно запутанны и сложны, но исповедовались с необычайной простотой.

Однажды вечером он вызвал к себе священника, который по обыкновению молча сел у заваленного бумагами и папками стола и принялся ждать. Ашер отыскал среди бумаг газет-

⁶ «Темпл» – название двух из четырех лондонских «Судебных иннов» – школ подготовки барристеров.

⁷ Допрос с применением мер физического воздействия.

⁸ Вершина в Швейцарии на границе с Италией.

⁹ Уильям Гарвей (1578–1657) – английский медик, основоположник физиологии и эмбриологии.

ную вырезку и передал ее клирику. Тот, не произнося ни слова, прочитал ее. Похоже, это была заметка в одной из тех газет, которые посвящены исключительно жизни американского высшего света, и вот что в ней говорилось:

«Самый блестящий вдовец общества устраивает очередной чудо-вечер. Высший свет еще не забыл Парад детских колясок, когда Затейник Тодд в своем роскошном поместье “Пруд Пилигрима” заставил многих наших *débutantes*¹⁰ выглядеть даже моложе своих лет. Не менее изысканным, но еще более забавным и душевным было представление, устроенное Затейником Тоддом за год до этого, знаменитое Застолье людоедов, на котором всем без исключения блюдам была придана форма человеческих рук и ног. В течение вечера многие из остряков выказывали желание отведать ручку своей очаровательной соседки, а то и предлагали на съедение себя. Что послужило вдохновением для новой затеи, молчаливый мистер Тодд пока что держит в секрете. Возможно, он поделился планами с первыми шутниками нашего города, но если это так, то они, должно быть, охраняют эту тайну тщательнее своих драгоценностей, поскольку нам ничего разузнать не удалось. Поговаривают только, что на сей раз предприятие будет своего рода милой пародией на простые манеры и нравы другой стороны общества. Если молва не ошибается, то это будет тем более интересно, что гостеприимный Тодд сейчас принимает у себя лорда Гриффита, знаменитого путешественника, чистокровного аристократа, лишь недавно прибывшего к нам с берегов Туманного Альбиона. Лорд Гриффит отправился в путешествие еще до того, как получил свой дворянский титул. В молодости ему доводилось бывать в нашей республике, и в модном обществе перешептываются, что определенные причины для возвращения у него имелись. Мисс Этта Тодд известна на весь Нью-Йорк своим огромным сердцем и бесконечной добротой, к тому же она унаследует почти миллиард двести миллионов долларов».

– Вы не находите это интересным? – спросил Ашер.

– Не знаю, что и сказать, – ответил отец Браун. – Вряд ли во всем мире что-нибудь может заинтересовать меня в меньшей степени. И, честно говоря, я не могу представить, чем могло это вызвать интерес у вас. Разве что разгневанные читатели наконец добились права казнить на электрическом стуле журналистов, пишущих в таком духе.

– Хорошо, – сухо произнес мистер Ашер и протянул ему еще одну вырезку. – А что вы скажете на это?

Заметка была озаглавлена «Побег из колонии. Заключенный бежал, жестоко убив надзирателя», и говорилось в ней следующее:

«Сегодня рано утром, перед рассветом, заключенные и работники тюрьмы Секуах в нашем штате услышали отчаянный крик о помощи. Представители власти, поспешив в том направлении, откуда послышался крик, обнаружили труп надзирателя, занимавшего пост наверху северной стены колонии. Эта отвесная стена считается самым неприступным и неудобным местом для побега, и потому ее всегда охранял лишь один стражник. Как выяснилось, несчастного офицера сбросили с высокой стены. Череп его был размозжен, словно ударом дубинкой, а оружие его исчезло. Дальнейшая проверка выявила, что одна из тюремных камер опустела. Занимал ее некий Оскар Райан (по крайней мере, это имя он назвал при аресте), замкнутый, неразговорчивый заключенный, отбывавший недолгий срок за сравнительно несущественное правонарушение. Правда, у всех он создавал впечатление человека с темным прошлым, будущее которого также не предвещало ничего хорошего. Наконец, когда рассвело настолько, что стало возможным внимательно изучить место убийства, на стене над телом была обнаружена надпись, несколько обрывочных предложений, которые сбежавший явно начертил пальцем, смоченным в крови: “Я защищался. У него был карабин. Я не хотел убивать его и не хочу причинять зла никому, кроме одного человека. Пули прибе-

¹⁰ Девушки, впервые появляющиеся в высшем обществе (*фр.*).

регу для «Пруда Пилигрима». О. Р.» Каким дьявольским коварством, какой поразительной, воистину нечеловеческой ловкостью должен был обладать преступник, чтобы взобраться на такую стену и убить вооруженного охранника!»

– Что ж, стиль слегка улучшился, – с улыбкой пожал плечами священник, – но я по-прежнему не понимаю, чем могу вам помочь. Хорош я буду, если стану на своих коротких ногах гоняться по всему штату за этим убийцей-акробатом. Я, вообще-то, сомневаюсь, что кто-нибудь сможет его найти. Отсюда до колонии в Секуахе миль тридцать, дороги туда путаные, да и места там достаточно пустынные. А с противоположной от нас стороны, куда, я уверен, у него хватит ума направиться, вообще сплошная глушь, за которой кроме прерий ничего нет. Невозможно обыскать каждую дыру и каждое дерево.

– Он не в дыре и не на дереве, – сказал комендант.

– Откуда вам это известно? – удивленно заморгал отец Браун.

– Хотите поговорить с ним? – неожиданно спросил Ашер.

Невинные глаза отца Брауна широко распахнулись.

– Он что, здесь? – воскликнул он. – Как же вашим людям удалось его поймать?

– Я сам его поймал, – неторопливо произнес американец и вытянул худые ноги к огню. – При помощи своей трости, вернее, ее загнутой ручки. Да, да, не удивляйтесь. Как вы знаете, я, чтобы отдохнуть от этого мрачного места, иногда выхожу и прогуливаюсь по проселкам. Так вот сегодня вечером я направился на одну из таких дорог. По краям – кусты, за ними – сплошные серые вспаханные поля. Молодая луна уже взошла, поэтому было более-менее светло. И в ее серебристом свете я заметил человека, который бежал через поле к дороге. Бежал он пригнувшись и, надо сказать, довольно шустро. Я успел рассмотреть, что он истощен, однако, добежав до густых черных кустов, он прошел через них, как через паутину... Или, вернее (я услышал, как захрустели и затрещали крепкие ветки), так, будто сам он был сделан из камня. И вот, когда, прошибив кусты, он выскочил на залившую лунным светом дорогу, я бросил ему в ноги свою трость крючковой ручкой вперед, он, разумеется, споткнулся и полетел на землю. Ну, тут уж я достал свисток, засвистел что было сил, прибежали наши молодцы и взяли его тепленьким.

– Вот бы вышел конфуз, – заметил Браун, – если бы выяснилось, что это какой-нибудь известный бегун вышел на вечернюю тренировку.

– Это был не бегун, – отрубил Ашер. – Мы вскоре выяснили, кто это. Да только я это понял, как только свет луны упал ему на лицо.

– Вы решили, что это сбежавший заключенный, – просто заметил священник, – потому что утром прочитали в газете, что кто-то сбежал из колонии.

– У меня были и другие, более веские основания, – с прохладцей заметил начальник тюрьмы. – О первом я даже не буду говорить, потому что это слишком очевидно, чтобы упоминать... Я имею в виду, что известные спортсмены не тренируются на вспаханных полях и не продираются через колючие кусты, выцарапывая себе глаза. И они не бегают, скрючившись и прижимаясь по-собачьи к земле. Для опытного глаза было достаточно признаков, чтобы сомнений не возникло. Человек был в грубой изорванной одежде, мало того, она совершенно не подходила ему по размеру. Когда этот черный силуэт только появился в лунном свете, огромный воротник, почти скрывавший голову, сидел на нем так, что его можно было принять за горбуна, а длинные рукава болтались, будто у него вообще не было рук. Мне сразу стало ясно, что он успел сменить арестантскую робу на гражданскую одежду, но не нашел подходящего размера. Во-вторых, он бежал против достаточно сильного ветра, и я бы увидел развевающиеся волосы, если бы волосы не были подстрижены очень коротко. Потом я вспомнил, что за полем, по которому он бежал, находится «Пруд Пилигрима» (если помните, для него он решил приберечь пули), поэтому и метнул трость.

– Поразительно! И как только вы успели за такое короткое время все это продумать? – восхитился отец Браун. – А что, винтовка была при нем?

Ашер, который к этому времени встал и прохаживался по кабинету, остановился.

– Я просто слышал, – смутился священник, – что пули от винтовки без самой винтовки почти бесполезны.

– Винтовки у него не было, – серьезно произнес его собеседник. – Но наверняка по дороге с ним что-то произошло и он потерял ее. Или просто-напросто поменял планы. Может быть, он бросил оружие по той же причине, по которой сменил одежду... Скажем, ему не давала покоя мысль, что на них – кровь его жертвы.

– Вполне вероятно, – согласился священник.

– Впрочем, ломать над этим голову уже не имеет смысла, – сказал Ашер и взял со стола другие газеты. – Мы уже точно выяснили, что это он.

– А как? – робко поинтересовался его друг в рясе.

Грейвуд Ашер отбросил газеты и снова взял вырезки.

– Что же, раз уж вы так настойчивы, – сказал он, – давайте начнем с самого начала. Вы, конечно, заметили, что эти заметки связывает лишь одно – упоминание «Пруда Пилигрима», поместья Айртона Тодда. Кроме того, вы знаете, что сам он – человек весьма необычный, из тех, кто поднялся по каменным ступеням...

– ... оставив прежнее, к вершинам благородным¹¹, – кивнул его собеседник. – Да, это мы знаем. Нефть, надо полагать?

– Во всяком случае, – сказал Ашер, – Затейник Тодд играет не последнюю роль в этом деле.

Он снова встал, подошел к огню и продолжил тоном добродушного лектора.

– Начнем хотя бы с того, что, во-первых, никакой тайны здесь нет. Ничего таинственного, даже ничего странного нет в том, что арестант решил прихватить с собой винтовку, отправляясь в «Пруд Пилигрима». Наши люди – это не англичане, которым нет дела до того, на что богач тратит свои деньги, на больницы или на лошадей. Затейник Тодд сам добился нынешнего положения благодаря своим исключительным способностям, и можно не сомневаться, что многие из тех, кому он их продемонстрировал, теперь не прочь при помощи винтовки показать ему, на что и они способны. Тодд легко может стать мишенью для кого угодно, даже для человека, имени которого он никогда и не слышал. Например, какой-нибудь сотрудник, которого он когда-то оставил без работы, или служащий из компании, которую он когда-то разорил, – любой из таких людей может взяться за оружие, чтобы отомстить ему. Затейник – незаурядного ума человек, к тому же личность весьма известная, но в этой стране отношения между теми, кто предоставляет рабочие места, и теми, кто работает, очень напряженные.

Примерно так могли обстоять дела, если предположить, что этот Райан направлялся в «Пруд Пилигрима», чтобы убить Тодда. Сначала я так и предполагал, но одно небольшое обстоятельство разбудило во мне сыщика. Когда мои люди увели задержанного, я поднял трость и пошел дальше по проселочной дороге. Через два-три поворота я дошел до одного из входов во владения Тодда, неподалеку от озера или пруда, от которого и получило название его поместье. Было это часа два назад, то есть где-то около семи. Луна светила уже ярче, и я видел ее белые дорожки на этом загадочном озере с серыми, грязными, топкими берегами, такими, как те, в которых предки наши, как говорят, топили ведьм. Я не помню точно эту легенду, но, думаю, вы понимаете, как должно выглядеть это место. Оно расположено к северу от особняка Тодда, и за ним начинается ничейная земля. Да, еще там растут два дерева, настолько искореженных, что они больше похожи на какие-то гигантские

¹¹ Строка из цикла элегий Альфреда Теннисона «In Memoriam A. H. H.» (Памяти А. Г. Х.)

грибы, чем на благородные растения. И вот, когда я стоял и всматривался в этот туманный пруд, мне вдруг показалось, что какая-то тень прошла от дома к этому месту. Но было так темно и находился я на таком расстоянии, что даже засомневался, уж не померещилось ли это мне, тем более что рассмотреть этого человека детально я не мог. К тому же внимание мое привлекло кое-что поближе. Я притаился за забором, от которого до ближайшего флигеля дома – ярдов двести, не больше (к слову, в некоторых местах щели на нем как будто специально были сделаны, чтобы удобнее подсматривать), так вот, я увидел, как в левом крыле здания, в темноте казавшемся большим черным пятном, открылась дверь и на порог вышел человек. Фигура на фоне яркого света, горевшего внутри, казалась черным нечетким силуэтом. Человек наклонился вперед и явно стал всматриваться в ночь. Потом дверь закрылась, но человек остался на пороге, и я увидел, что в руке у него горит фонарь. Тут уж я смог рассмотреть фигуру и одежду получше. Это оказалась женщина в большой потрепанной шали, явно одетая так, чтобы казаться как можно неприметнее. Вообще было что-то очень странное в этой закутанной в тряпки вороватой фигуре, которая вышла из такого роскошного места. Она осторожно двинулась по изогнутой садовой дорожке, в полусотне ярдов от меня на секунду остановилась на дерновом уступе, обращенном к этому болотистому озеру, подняла над головой фонарь и три раза провела им вперед-назад, явно подавая сигнал. Когда она проводила над головой фонарем во второй раз, отсвет упал на ее лицо, и я узнал ее. Неестественно бледная, на голове – эта жалкая плебейская шаль, но я не мог ошибиться. Это была Этта Тодд, дочь миллиардера.

Вернулась она той же дорогой, дверь снова закрылась за ней. Я уже хотел перелезть через забор и подкрасться к дому поближе, когда вдруг понял, что мой сыщицкий нюх, который привел меня в то место, слишком уж разошелся и лучше я наведуясь туда как официальное лицо, поскольку у меня в руках и так были все карты. И только я развернулся, чтобы уйти, тишину ночи нарушил еще один неожиданный звук – на одном из верхних этажей открылось окно, но где-то за углом, так что самого окна мне не было видно. И сразу же раздался голос, очень четкий, который кого-то спросил на весь темный сад, где лорд Гриффит, мол, в доме уже осмотрели все комнаты, но его нигде нет. Этот голос нельзя было не узнать, я ведь много раз слышал его на всевозможных политических собраниях или встречах директоров. Это был голос самого Айртона Тодда. Кто-то другой, похоже, выглянул из нижнего окна или крикнул с лестницы, что Гриффит час назад вышел прогуляться к пруду и с тех пор его пока никто не видел. Тут Тодд крикнул: «Вот дьявол!» – и громко захлопнул окно. Я даже услышал его громкие шаги вниз по лестнице. Вспомнив о своем предыдущем, более благоразумном намерении, я не стал дожидаться, пока начнутся поиски по всему поместью, и вернулся сюда. Было часов восемь, не позже.

А теперь я бы хотел, чтобы вы вспомнили ту небольшую заметку о светской жизни, которая показалась вам столь неинтересной. Если сбежавший приберег пулю не для Тодда, а, судя по всему, это именно так, то выходит, что его цель – лорд Гриффит, и, похоже, своего он добился. Разве можно отыскать место более подходящее для убийства, чем то странное геологическое образование, где тело жертвы, если бросить его в полужидкий ил, опустится в эту жижу на глубину практически неведомую. Давайте предположим, что наш стриженный друг задумал убить Гриффита, а не Тодда. Как я уже говорил, в Америке множество людей точат зубы на Тодда и даже готовы убить его. Но кто здесь может желать смерти английскому лорду, лишь недавно приплывшему в нашу страну? На это есть лишь одна причина, и о ней упоминалось в той газетенке, а именно то, что лорд оказывает знаки внимания дочери миллиардера. Таким образом, наш стриженный друг, несмотря на свой неприглядный наряд, превращается в пылкого влюбленного.

Я понимаю, эта идея покажется вам странной и даже смешной, но это потому, что вы – англичанин. Для вас это звучит примерно, как если бы дочь архиепископа Кентерберий-

ского собиралась сочетаться брачными узами в церкви Святого Георгия на Хановер-сквер¹² с каким-нибудь досрочно освобожденным вором, работающим уличным подметальщиком. Но вы недооцениваете честолюбия и жажды славы наших выдающихся сограждан. Вот, скажем, увидели вы какого-нибудь серьезного благообразного мужчину во фраке, с благородной сединой в волосах и оттенком высокомерия во взгляде. Вы знаете, что это важная персона, один из столпов общества. Разумеется, вы решите, что это потомственный аристократ, и попадете пальцем в небо. Вам даже не придет в голову, что всего-то пару лет назад сей господин прозябал в какой-нибудь дешевой квартирке, а то и (что весьма вероятно) сидел за решеткой. Вы не учитываете нашей национальной хваткости и целеустремленности. Многие из наших самых влиятельных фигур возвысились не только недавно, но и в достаточно преклонном возрасте. Дочери Тодда было уже восемнадцать лет, когда отец ее сколотил состояние, и потому нет ничего удивительного в том, что у нее может быть поклонник из низших слоев общества или даже что она влюблена в него, и это лично мне кажется более вероятным, судя по ее ночному выходу на пруд с фонарем. Если это так, то рука, державшая тот фонарь, может быть связана с рукой, державшей винтовку. Это дело, сэр, еще наделает шума.

– Хорошо, – смиренно произнес священник. – А что вы сделали потом?

– Думаю, вы удивитесь. А может, и возмутитесь, – ответил Грейвуд Ашер. – Я знаю, вы не жалуете вторжение науки в подобные сферы. Но мне дана довольно обширная свобода действий. Быть может, я и позволяю себе некоторую вольность, но мне показалось, что это отличный повод проверить в работе эту психометрическую машину, о которой я вам рассказывал. На мой взгляд, машина эта не лжет.

– Да, машина не лжет, – согласился отец Браун, – но и правды она не скажет.

– Только не в этом случае, – уверенно произнес Ашер. – И сейчас вы в этом убедитесь. Я усадил человека в нелепой одежде в удобное кресло и стал просто писать слова на доске, а машина в это время отмечала изменения его пульса. Я же просто наблюдал, как он себя ведет. Весь фокус в том, чтобы между слов совершенно отвлеченных вставить слово, имеющее отношение к преступлению, только слова эти должны быть такими, чтобы нужное слово не выбивалось из общего ряда. Итак, я стал писать: «цапля», «орел», «сова», но, как только я написал «гриф», он ужасно заволновался, а когда я стал выводить вторую букву «ф» в конце, стрелка машины вообще подпрыгнула чуть ли не до самого верха. Ну кто еще в нашей республике будет так волноваться при упоминании фамилии англичанина Гриффита, кроме человека, который его застрелил? Вы не находите, что это намного более достоверное свидетельство, чем бессвязное бормотание десятка свидетелей?.. Я говорю о свидетельстве надежной машины.

– Вы постоянно забываете, – заметил его собеседник, – что надежной машиной всегда управляет машина ненадежная.

– Что вы имеете в виду? – не понял сыщик.

– Я имею в виду Человека, – пояснил отец Браун. – Самую ненадежную из всех известных мне машин. Я не хочу задеть вас и не думаю, что вы сочтете слово «Человек» обидным или не применимым к вам. Вот вы говорите, что наблюдали за его поведением. Но откуда вам известно, что вы истолковали его поведение правильно? Вы говорите, что слово должно естественно сочетаться с остальными. Но откуда вы знаете, что сами не выделили его как-то произвольно? А что если и он за вами наблюдал, когда вы писали эти слова? Кто докажет, что вы сами в ту минуту не разволновались? Ведь за вашим пульсом машина не следила.

– Разволновался? Я? – в крайнем возбуждении вскричал американец. – Да я даже глазом не моргнул! Стоял, как изваяние.

¹² Церковь в Лондоне, известна как место аристократических свадеб.

– Преступники тоже могут стоять, как изваяние, – улыбнулся отец Браун. – И сохранять полное спокойствие, почти как вы.

– А этот не смог, – отрезал Ашер и бросил на стол газеты. – Как же вы меня утомили!

– Извините, – проронил священник, – но я всего лишь указываю на существующую возможность. Если вы по тому, как держался он, смогли определить, какое из слов могло заставить его заволноваться, почему не мог он по тому, как держались вы, определить, что сейчас будет написано слово, которое может заставить его волноваться? Мне бы, чтобы отправить кого-то на виселицу, понадобилось бы что-то большее, чем набор слов.

Тут Ашер, громко хлопнув по столу, встал, и на лице у него появилось какое-то злобно-торжествующее выражение.

– И это именно то, – горячо воскликнул он, – что я вам сейчас представлю. Я воспользовался машиной, собираясь впоследствии проверить ее данные иными способами. И машина оказалась права, сэр.

Немного помолчав, он продолжил более спокойным голосом.

– Раз уж на то пошло, я хочу заявить, что все, что я пока проделал, – не более чем научный эксперимент. У меня ведь на этого человека ничего нет. На нем одежда неподходящего размера? Но люди неимущие – а он явно из их числа – часто носят и не такое. Более того, если не принимать во внимание все те пятна грязи, которые появились на нем, пока он бежал по вспаханному полю и пробирался через пыльные кусты, он был сравнительно чист. Конечно же, это можно рассматривать как свидетельство того, что он недавно сбежал из тюрьмы, но мне внешность его больше напомнила человека небогатого, который еще как-то сводит концы с концами и отчаянно пытается сохранить благопристойный вид. Держался он, скрывать не буду, точно так, как и подобает таким людям. С достоинством, лиш-них слов не говорил, на лице – возмущение. Сказал, что знать не знает ни о каком преступлении и вообще в первый раз слышит об этом деле. Казалось, что он ждет не дожидается, пока здравый смысл наконец восторжествует и эта бессмысленная трата времени закончится. Несколько раз просил разрешения позвонить по телефону адвокату, который много лет назад помог ему решить какие-то денежные вопросы. Словом, вел себя как любой невинный человек. Ничто в мире не говорило о его виновности, кроме маленькой стрелки на шкале, которая указывала на изменение его пульса.

Собственно, потому, сэр, мы и проверили в действии машину. И она не подвела. Когда я вышел с ним из комнаты для допросов в коридор, как всегда забитый разными людьми, ожидающими своей очереди, этот тип, как мне показалось, уже был готов в чем-то сознаться. Он повернулся ко мне и начал говорить тихим голосом: «Все, хватит с меня. Если вы хотите знать обо мне все...» И в эту секунду одна из бедно одетых женщин на длинной скамье вдоль стены вдруг с громким криком вскакивает, вытягивает руку и тычет в него пальцем. Никогда еще я не видел такой дьявольской уверенности на лице, как у нее. Ее тощий палец уставился на него, как ствол пистолета. Хоть голос ее и напоминал завывание, каждый слог был слышен отчетливо, как удар часов. «Аптекарь Девис! – завопила она. – Они взяли Аптекаря Девиса!» Человек двадцать из преступниц, в основном воровок и проституток, повернулись к нему, у всех на лицах одно выражение – ненависть и радость. Если бы даже я никогда раньше не слышал об Аптекаре Девисе, по тому, как он вздрогнул и побледнел, я бы понял, что этот так называемый Оскар Райан услышал свое настоящее имя. Но, как это ни покажется вам странным, я достаточно хорошо осведомлен в своей области. Аптекарь Девис – один из самых опасных и жестоких преступников, которые когда-либо проходили через руки нашей полиции. Охранник в тюрьме – не первый, кого он отправил на тот свет, это точно известно. Странно, но его ни разу не удалось прижать как следует, и все потому, что убийства он совершал точно так же, как свои более безобидные... и более подлые преступления, на которых попадался достаточно часто. Этот негодяй достаточно красив собой,

даже до некоторой степени похож на приличного человека, а промышлял он в основном тем, что знакомился с барменшами и продавщицами и выманивал у них деньги. Но часто он шел дальше – усыплял их при помощи сигарет или шоколада со снотворным и тогда уж уносил все. Однажды одна из его жертв умерла, но доказать умысел не удалось, и, что более существенно, так и не удалось найти самого преступника. До меня доходили слухи, что он где-то снова объявился, но уже в новой ипостаси – не забирал деньги, а давал в рост, но по-прежнему работал с несчастными вдовушками, которых привлекал своим обхождением, все с тем же плачевным для них результатом. Вот вам и невинная овечка, которую вы так хотите в нем увидеть. Как вам его подвиги? Сейчас у меня уже четверо преступников, и трое охранников опознали его и подтвердили эту историю. Что вы теперь скажете про мою бедную машинку? Вывела она его на чистую воду? Или вы предпочитаете считать, что это сделали я и та женщина?

– Что касается вашей роли, – отец Браун встал и неловко встряхнулся, – вы спасли этого человека от электрического стула. Я не думаю, что из-за той старой и туманной истории с отравлением его могут казнить. Ну а по поводу заключенного, убившего охранника, я полагаю, вы взяли не того человека. По крайней мере, мистер Девис этого преступления не совершал.

– Это как же вас понимать? – изумился комендант. – Что значит не совершал?

– Господи, да что ж тут непонятного? – вспыхнул маленький человек, что случилось с ним крайне редко. – То и значит, что *этого* преступления он не мог совершить, потому что совершал совсем другие преступления! Что вы за странные люди! Вам, похоже, кажется, что все грехи свалены в одну кучу. Вы рассуждаете так, будто человек может быть по понедельникам сквалыгой, а по вторникам – транжирой. Вы говорите, что этот ваш преступник недели, месяцы занимался тем, что обчищал доверчивых женщин на небольшие суммы, в лучшем случае отравлял их, что потом он сделался ростовщиком самого недостойного пошиба и продолжил наживаться на бедных людях тем же спокойным и мирным образом. Пусть так... Давайте предположим, что он действительно всем этим занимался. Если это правда, то я могу сказать вам, чего он не стал бы делать никогда. Он не стал бы штурмовать тюремную стену с вооруженным охранником наверху. Он не стал бы собственноручно писать на стене. Он не стал бы писать, что его оправдывает то, что ему пришлось защищаться. Он не стал бы объяснять, что ничего не имел против несчастного охранника. Он не стал бы указывать название дома богача, к которому собирался направиться с винтовкой. Он не стал бы писать собственные инициалы человеческой кровью. Святые угодники! Неужели вы не видите, что это человек совершенно другого склада и в добром, и в дурном? Нет, похоже, мне до вас далеко. Похоже, у вас никогда не было собственных недостатков.

Озадаченный американец уже открыл рот, собираясь возразить, но тут в дверь его личного кабинета громко забарабанили самым бесцеремонным образом, к которому он был совершенно непривычен.

Дверь распахнулась. За миг до этого события в голове Грейвуда Ашера родилась мысль, что отец Браун, должно быть, неожиданно сошел с ума. Но уже в следующий миг после этого комендант тюрьмы начал подозревать, что сошел с ума сам. В его личную комнату ввалился человек в грязном рванье, в съехавшей набок засаленной фетровой шляпе и в старых зеленых очках с одним выбитым стеклом, за которыми сверкали тигриные глаза. Остальную часть лица почти невозможно было рассмотреть под косматой бородой и бакенбардами, из которых торчал кончик носа. Все это было обмотано грязным красным шарфом или платком. Мистер Ашер гордился своим знанием самой неотесанной публики штата, однако такое пугало видел впервые. Но, что самое главное, еще никогда за всю свою безмятежную жизнь он не слышал, чтобы к нему так обращались.

– Вот что, Ашер, – завопило с порога существо в красном платке. – Мне все это уже осточертело! Нечего со мной в эти кошки-мышки играть, меня не обдуришь. Либо вы отпускаете моих гостей, либо я всю вашу лавочку прикрываю. Если он тут еще хоть минуту проторчит, вам всем несдобровать, понятно? Со мной такие штуки не проходят.

Изумление начальника тюрьмы было столь велико, что он остолбенело таращился на это громогласное чудовище, не в силах вымолвить и слова. Увиденное его настолько потрясло, что он, похоже, утратил и слух. Через какое-то время он наконец опомнился и остервенело задергал колокольчик. Звон еще не утих, когда раздался мягкий, но отчетливый голос отца Брауна.

– У меня есть небольшое предложение, – сказал он, – правда, вам оно покажется несколько странным. Я не знаю этого господина... хотя... хотя нет, пожалуй, знаю. Да вы и сами его знаете... очень даже хорошо... Хотя, собственно говоря, совсем не знаете. Звучит парадоксально, я понимаю.

– Конец света! – только и смог вымолвить Ашер и плюхнулся на свое круглое рабочее кресло.

– Послушайте, вы! – заорал незнакомец, ударив кулаком по столу, непонятным голосом, который, несмотря на громкость, звучал относительно спокойно и даже разумно. – Вам все равно от меня не отвертеться. Я хочу...

– Да кто вы такой, черт подери? – неожиданно взревел Ашер, выпрямляясь в кресле.

– Я думаю, фамилия этого джентльмена – Тодд, – негромко обронил священник и взял со стола газетную вырезку. – Боюсь, что вы неверно понимаете то, что пишут в светской хронике. – И невыразительным голосом он прочитал: – Возможно, он поделился планами с первыми шутниками нашего города, но если это так, то они, должно быть, охраняют эту тайну тщательнее своих драгоценностей, поскольку нам ничего разузнать не удалось. Поговаривают только, что на сей раз предприятие будет своего рода милой пародией на простые манеры и нравы другой стороны общества. – Опустив листок, Браун посмотрел на Ашера. – Сегодня в «Пруды Пилигрима» проходит большой Обед оборванцев, и один из гостей исчез. Мистер Айртон Тодд – хороший хозяин, он бросился на его поиски, даже не сменив свой маскарадный костюм.

– О ком вы говорите?

– Я говорю о человеке в неподходящем по размеру костюме, которого вы видели бегущим по вспаханному полю. Может быть, вам лучше сходить к нему и поговорить с ним самим? Наверняка ему уже не терпится вернуться к шампанскому, которое он в такой спешке оставил, когда бросился наутек, увидев сбежавшего заключенного с винтовкой в руках.

– Не хотите же вы сказать, что... – начал комендант тюрьмы.

– Послушайте, мистер Ашер, – сдержанно, но уверенно прервал его отец Браун. – Вы сами говорили, что машина не ошибается, и, в некотором смысле, так и получилось. Но вторая машина ошиблась. Вторая машина, которая управляла первой. Вы решили, что человек вздрогнул при упоминании имени лорда Гриффита, потому что он был убийцей лорда Гриффита. Но он вздрогнул от упоминания лорда Гриффита, потому что он и есть лорд Гриффит.

– Так какого черта он сам об этом не сказал? – воскликнул вконец растерявшийся Ашер.

– Он считал, что недавняя паника и бегство по полям не к лицу аристократу, – ответил священник, – поэтому сначала не хотел открывать своего имени. Но потом не выдержал и все же решил представиться, когда... – отец Браун потупил взор, – одна из женщин нашла для него другое имя.

– Погодите... – бледнея, промолвил Грейвуд Ашер. – Нет, я не верю, что вы настолько безумны, чтобы утверждать, что лорд Гриффит и Аптекарь Девис – это один человек.

Отец Браун серьезно посмотрел ему прямо в глаза, но лицо его было загадочным и непроницаемым.

– Я этого не говорил, – промолвил он. – Выводы делайте сами. В вашей газете говорится, что титул он получил недавно, но подобного рода изданиям далеко не всегда можно верить. Там сказано, что в молодости он бывал в Штатах, однако вся изложенная там история звучит как-то странно. И Девис, и Гриффит – оба трусливы, но это можно сказать о многих других людях. Я совершенно не претендую на то, что мое мнение окончательно, – задумавшись, негромким голосом продолжил он, – но, мне кажется, вы, американцы, слишком скромны. По-моему, вы идеализируете английскую аристократию... наделяя ее всеми качествами аристократии. Видя благообразного англичанина во фраке и зная, что это член палаты лордов, вы не сомневаетесь, что перед вами потомственный аристократ. Вы не учитываете нашей национальной хваткости и целеустремленности. Многие из наших самых влиятельных фигур не только возвысились недавно, но и...

– Прекратите! – вскричал Грейвуд Ашер, взмахнув тощей рукой, будто пытаясь заслониться от той легкой тени иронии, которая появилась на лице его собеседника.

– Да что вы с этим полоумным разговариваете! – грубо воскликнул Тодд. – Ведите меня к моему другу.

На следующее утро отец Браун с обычным застенчивым выражением лица снова вошел в кабинет начальника тюрьмы. На этот раз он сам принес газетную вырезку.

– Боюсь, вы не слишком жалуете светскую хронику, – сказал он, – но это может показаться вам любопытным.

Ашер прочитал заголовок: «Приключения гостей Затеяника Тодда. Забавное происшествие у “Пруда Пилигрима”». Далее в заметке сообщалось следующее:

«Вчера вечером у гаража Уилкинсона произошел курьезный случай. Уличные зеваки привлекли внимание патрульного полицейского к человеку в тюремной робе, который с невозмутимым видом садился за руль роскошного «Панара». Его сопровождала девушка в старой изодранной шали. Когда полицейский подошел узнать, что происходит, девушка откинула шаль, и все узнали дочь миллиардера Тодда, которая только что покинула проходящее в доме ее отца очередное необычное мероприятие – Обед оборванцев, где вся самая избранная публика была в таком же *déshabillé*¹³. Она с вырядившимся в арестантскую робу джентльменом отправлялась в обычную увеселительную поездку».

Под этой заметкой мистер Ашер обнаружил еще одну, из последней утренней газеты. «Поразительный побег дочери миллиардера с беглым заключенным. Как выяснилось, вчерашний необычный маскарад в доме известного миллиардера Затеяника Тодда был устроен с подачи его дочери. Скрывшись в...»

Мистер Грейвуд Ашер поднял глаза, но отца Брауна в кабинете уже не было.

¹³ Здесь: тряпье (*фр.*).

Странное преступление Джона Бульнуа

Мистер Калхун Кидд был очень молодым человеком с лицом старика – лицом, иссушенным собственным пылом, лицом, обрамленным иссиня-черными волосами, и с неизменным черным галстуком-бабочкой. В Англии он представлял интересы влиятельнейшей американской ежедневной газеты «Солнце Запада», иногда в шутку называемой «Восходящий закат». Это был намек на некоторое известное журналистское заявление (приписываемое самому мистеру Кидду), гласившее: «Я верю, солнце еще взойдет над Западом, если только американцы встряхнутся и научатся добиваться своего». Однако те, кто посмеиваются над американской журналистикой, рассматривая ее с точки зрения несколько более мягких традиций, забывают об определенном парадоксе, который в известной степени оправдывает ее. Ибо, невзирая на то что в Штатах журналистика позволяет себе внешнюю вульгарность, просто немыслимую в Англии, она с необыкновенным волнением и вниманием относится к самым, казалось бы, очевидным интеллектуальным вопросам, которые английским газетам не просто неведомы, а скорее даже не по плечу. Обычно на страницах «Солнца» наиболее важные и серьезные вопросы обсуждались самым легкомысленным тоном. Вильям Джемс¹⁴ назывался там «Усталый Вилли», а портреты философов-прагматиков в ней чередовались с фотографиями известных боксеров.

Таким образом, когда скромный оксфордский ученый по имени Джон Бульнуа опубликовал в практически неизвестном широкому кругу читателей журнале «Ежеквартальное натурфилософское обозрение» цикл статей, посвященных слабым местам, якобы обнаруженным им в теории эволюции Дарвина, это не привлекло к себе внимания английской прессы, даже несмотря на то, что в самом Оксфорде появилась своего рода мода на теорию Бульнуа (которая заключалась в представлении Вселенной в виде сравнительно стабильной системы, подверженной редким всеохватывающим катаклизмам) и ей даже дали особое название – катастрофизм. Однако многие американские газеты увидели в этом скромном вызове великое событие, и «Солнце Запада» отбросило поистине гигантскую тень мистера Бульнуа на свои страницы. В полном соответствии с упомянутым выше парадоксом заголовки к вполне вдумчивым и даже вдохновенным статьям сочинял явно какой-то безграмотный маньяк. Достаточно упомянуть лишь пару примеров: «Дарвина на свалку! Теория Бульнуа потрясает мир!» или «“Думайте катастрофически”, – призывает Мыслитель Бульнуа». В результате этого эмиссар «Солнца Запада» мистер Калхун Кидд и был вынужден явить свой скорбный лик вместе с черным галстуком-бабочкой в небольшой домик на окраине Оксфорда, где Мыслитель Бульнуа проживал в счастливом неведении относительно данного ему титула.

Философ не без удивления дал согласие принять интервьюера и назначил встречу на девять часов вечера. Ближе к назначенному времени, когда последние лучи летнего заката озаряли невысокие лесистые холмы оксфордских предместий, романтически настроенный янки, в некоторой неуверенности, но и не без любопытства осматриваясь по сторонам, заметил настоящую старинную таверну с вывеской «Герб Чемпиона». Дверь ее была открыта, поэтому он вошел, чтобы спросить дорогу.

В зале ему пришлось позвонить в колокольчик и некоторое время дожидаться, пока на его призыв кто-нибудь явится. Кроме него там был лишь один человек – тощий мужчина с короткими рыжими волосами в свободной, чем-то напоминающей лошадиную попону одежде, который пил очень плохой виски, но курил очень хорошую сигару. Виски, разумеется, был лучшим, что имелось в «Гербе Чемпиона», а сигару он, вероятно, привез с собой

¹⁴ Вильям Джемс (1842–1910) – американский философ и психолог.

из Лондона. Ничто не могло различаться больше, чем нарочитая неряшливость этого господина и сухая аккуратность молодого американца, однако карандаш первого, его открытая записная книжка, а возможно, и что-то в выражении цепких голубых глаз подсказало Кидду, что перед ним его брат-журналист.

– Будьте любезны, – обратился к нему Кидд по всем принятым у него на родине правилам вежливости, – подскажите, как мне найти «Грей-коттедж», где, насколько мне известно, проживает мистер Бульнуа.

– Пройдите несколько ярдов дальше по дороге, – ответил рыжий, вынув изо рта сигару. – Я через минуту сам в ту сторону двинусь, но я иду в «Пендрагон-парк», попытаюсь все своими глазами увидеть.

– А что такое «Пендрагон-парк»? – спросил Калхун Кидд.

– Дом сэра Клода Чемпиона... А вы разве не для этого приехали? – поинтересовался газетчик и окинул американца взглядом. – Вы ведь журналист, не так ли?

– Я приехал повидать мистера Бульнуа, – ответил Кидд.

– А я приехал повидаться с миссис Бульнуа, – сказал на это его коллега. – Но дома я ее точно не застаю.

И он довольно неприятно рассмеялся.

– Вы интересуетесь катастрофизмом? – не без удивления спросил янки.

– Я интересуюсь катастрофами, и сегодня одна такая намечается, – голос англичанина посерьезнел. – У меня грязная работа, но я этого не скрываю.

С этими словами он сплюнул на пол, но каким-то образом сделал это так, что сразу сделалось понятно, что человек этот – джентльмен.

Американский журналист присмотрелся к нему повнимательнее. Лицо его, бледное и опустошенное, с проблеском сильных врожденных страстей, которым еще только предстояло найти выход, однако, было умным и открытым. Одежда на нем не отличалась ни изяществом покроя, ни аккуратностью, но на одном из его длинных тонких пальцев поблескивал массивный перстень с печаткой. Звали его, как выяснилось потом за разговором, Джеймс Дэлрой, он был сыном разорившегося ирландского помещика и работал в «Модном обществе» – дешевой газетенке, которую всей душой презирал, – репортером и чем-то вроде шпиона, что было для него особенно мучительно.

К сожалению, «Модное общество» не питало того интереса к противостоянию Бульнуа и Дарвина, которое так взволновало «Солнце Запада». Дэлроя, судя по всему, привел в Оксфорд запах скандала, который в настоящее время зрел между «Грей-коттеджем» и «Пендрагон-парком» и угрожал закончиться в суде по бракоразводным делам.

Сэр Клод Чемпион читателям «Солнца Запада» был известен так же хорошо, как и мистер Бульнуа. В не меньшей степени им были известны Папа Римский и последний победитель «Дерби», но если бы ему сказали, что последние двое коротко знакомы друг с другом, он был бы удивлен не больше, чем когда узнал, в каких близких отношениях находятся Чемпион и Бульнуа. Он слышал о сэре Клоде Чемпионе (и даже писал о нем, сославшись на то, что якобы лично с ним знаком), будто это «один из самых ярких и богатых джентльменов в английской “Верхней десятке”»; великолепный яхтсмен, участвующий в гонках по всему миру; великий путешественник, написавший несколько книг о Гималаях; политик, покоровший сердца избирателей неожиданной идеей консервативной демократии; и наконец человек искусства, который хоть и не был профессионалом, достиг определенных успехов в живописи, музыке, литературе и главным образом в актерском ремесле. Всем, кроме американцев, сэр Клод действительно представлялся выдающейся личностью. В его всепоглощающей широте интересов, в его не ведающей покоя жизни на виду у всех было что-то от героя времен Возрождения... Как «непрофессионал» он был не просто велик, а полон

жизни и страсти. К тому же в нем отсутствовала та несерьезность, которую мы имеем в виду, употребляя слово «dilettante»¹⁵.

При взгляде на его безукоризненный ястребиный профиль, на его черные с фиолетовым оттенком итальянские глаза, которые так часто украшали собой страницы и «Модного общества», и «Солнца Запада», не могло не возникнуть ощущения, что честолубие снедает этого человека, как огонь или даже как болезнь. Но, хоть Кидд много чего знал о сэре Клоде (по правде сказать, намного больше, чем в нем было действительно заслуживающего внимания), ему даже в самых безумных помыслах не приходило в голову связывать столь блестящего аристократа с еще вчера никому не известным основателем катастрофизма, он даже не мог себе вообразить, что сэр Клод Чемпион и Джон Бульнуа могут оказаться близкими друзьями. И все же, если верить Дэлрою, это было так. Еще со школы, а потом и в колледже они дружили и были неразлучны, и, хоть в социальном плане их орбиты почти не пересекались (ибо Чемпион был крупным землевладельцем, почти миллионером, а Бульнуа – бедным ученым, до недавнего времени неизвестным), они по-прежнему поддерживали тесную связь. Более того, коттедж Бульнуа стоял прямо напротив ворот «Пендрагон-парка».

Однако одна темная и некрасивая история поставила большой знак вопроса на их дальнейшей дружбе. Пару лет назад Бульнуа женился на очаровательной и достаточно успешной актрисе, которой был всем сердцем предан, хотя и проявлял свои чувства в характерной застенчивой и нескладной манере. Тем не менее близкое соседство с Чемпионом дало беспечному аристократу повод для поступков, которые не могли не породить тревожных и даже болезненных подозрений. Сэр Клод овладел искусством светской жизни в совершенстве, и создавалось такое впечатление, будто он даже находил какое-то извращенное удовлетворение, выставляя напоказ интригу, которая ни при каких обстоятельствах не делала ему чести. Каждый день лакеи из «Пендрагон-парка» оставляли миссис Бульнуа букеты; к коттеджу то и дело подкатывали экипажи и автомобили, готовые к услугам миссис Бульнуа; в «Чемпион-парке» стали обычным делом балы и маскарады, на которых баронет выставлял напоказ миссис Бульнуа, точно королеву любви и красоты на рыцарском турнире.

В тот самый вечер, который Кидд избрал для погружения в тайны катастрофизма, сэр Клод Чемпион устраивал у себя в парке представление «Ромео и Джульетта», в котором сам должен был исполнить роль Ромео, ну а называть имя той, кому была отдана роль Джульетты, бессмысленно.

– Думаю, без шума не обойдется, – сказал рыжеволосый молодой человек, вставая и разминая плечи. – Хотя, конечно, они и могли запудрить мозги старику Бульнуа... Или окажется, что он сам ни черта не видит... Но чтобы ничего не замечать, нужно быть настоящим ослом... Я не думаю, что такое возможно.

– Он – человек незаурядного ума, – пробасил Калхун Кидд.

– Да, – ответил Дэлрой, – но даже человек самого незаурядного ума не может быть настолько слепым. Вы уходите? Я и сам через минуту-другую буду выдвигаться.

Но Калхун, допив стакан молока с содовой, вышел из таверны и торопливо направился к «Грей-коттеджу», оставив своего циничного осведомителя с его виски и сигарой. Последние дневные отблески уже погасли, небо сделалось аспидно-серым, покрылось блестками звезд, но заметное слева легкое свечение предвещало восход луны.

«Грей-коттедж», который, точно маленькая крепостная стена, окружали густые и высокие колючие кусты, расположился так близко к соснам и палисаду парка, что Кидд поначалу даже принял его за дом привратника «Пендрагон-парка». Однако, увидев имя, начертанное на узкой деревянной калитке, и сверившись с часами, убедившись, что как раз настало время встречи с «Мыслителем», он вошел во двор коттеджа и постучал в дверь. За неприступ-

¹⁵ Дилетант (итал.).

ными стенами живой изгороди американец смог увидеть, что дом, хоть и показавшийся сначала весьма непритязательным, был на самом деле больше и благоустроеннее, чем выглядел с улицы, и не имел ничего общего с домиком привратника. В глубине двора, как напоминание о старой английской деревенской жизни, расположились собачья конура и улей, луна поднималась над кронами пышных и здоровых груш. Благообразного вида пес, медленно вышедший из конуры, явно не собирался лаять. Открывший дверь слуга (простоватого вида пожилой мужчина) держался важно и был немногословен.

– Мистер Бульнуа просил передать свои извинения, сэр, – сказал он, – но ему пришлось срочно уйти.

– Послушайте, – недовольно воскликнул журналист, – я заранее договорился о встрече. Вы не знаете, куда он ушел?

– В «Пендрагон-парк», сэр, – довольно мрачно произнес слуга и начал закрывать дверь. Брови Кидда слегка приподнялись.

– Он ушел с миссис... вместе со всеми? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Нет, сэр, – коротко ответил слуга. – Он немного задержался, а потом ушел один.

И он с таким видом, будто сделал не все, что полагалось, грубо захлопнул дверь.

Американец, натура тонкая и в то же время нагловатая, был таким обхождением раздражен. Он почувствовал острое желание доказать, что может добиться своего и показать им всем, как вести дела. Сонному старому псу, седому дворецкому с его кислой физиономией и доисторической манишкой, сонной старой луне и в первую очередь этому безмозглему старому философу, который не в состоянии построить свой день так, чтобы явиться на назначенную встречу.

«Если он всегда так себя ведет, ничего удивительного, что жена от него сбежала, – проворчал мистер Калхун Кидд. – Хотя, может быть, он пошел выяснять отношения. Что ж, в таком случае журналист «Солнца Запада» не должен этого пропустить».

Выйдя за калитку, он повернул и направился уверенным шагом по длинной аллее между высоких сосен, которая вела напрямик к внутреннему саду «Пендрагон-парка». Деревья высились над ним ровными черными рядами, как плюмажи на катафалке, все еще были видны несколько звезд. Американцу более близки были привычки литературные, чем естественные природные ассоциации, поэтому в голове у него всплыло слово «Равенсвуд»¹⁶. Возможно, причиной тому были сосны цвета воронова крыла, окружавшие его со всех сторон, а возможно, и тот царящий здесь непередаваемый дух, который почти удалось передать Скотту в его великой трагедии: запах чего-то, что умерло в восемнадцатом веке, запах мокрого сада и открытых могил, запах зла, которое уже не будет исправлено, и запах чего-то невообразимо печального и удивительно неземного.

Странной черной дороге, которая уходила вглубь парка, будто специально придали трагический вид, и не раз, идя по ней, он вздрагивал оттого, что ему чудилось, будто впереди слышались шаги. Калхуну ничего не было видно, кроме темных неприветливых сосен по бокам да лоскута звездного ночного неба над ними. Сначала ему казалось, что этот звук породило его воображение или эхо собственных тяжелых шагов заставило его ошибиться. Но чем дальше он шел, тем больше остатки здравого разума указывали ему на то, что на дороге действительно был кто-то еще. Он подумал о привидениях и даже слегка удивился, насколько быстро ему удалось представить себе соответствующего месту призрака: это был дух с лицом белым, как у Пьеро, но в черных пятнах. Вершина темно-синего звездного треугольника над ним начала светлеть и прибавила голубизны, но американец еще не догадывался, что причиной этому были приближавшиеся огни большого дома и сада. Пока он чувствовал лишь, что темнота вокруг сгущается, что тоска, разлитая по роше,

¹⁶ Персонаж романа В. Скотта «Ламмермурская невеста».

заставляет его все больше и больше думать о жестокости, о таинственности, о... он заколебался, подбирая нужно слово, а потом, хохотнув, произнес: «О катастрофизме».

Еще сосны, еще какой-то участок дороги проплыл под ногами, а потом американец остановился и замер, словно неведомые чары обратили его в камень. До этого он чувствовал себя так, будто попал в сон, но в ту секунду он готов был поклясться, что угодил в книгу. Ибо мы, разумные существа, привыкли жить рядом с несоответствием, мы свыклись с клацающими шагами несообразности, под эту мелодию мы спокойно засыпаем. Но, случись что-нибудь сообразное, мы тут же вздрагиваем и просыпаемся, словно услышав фальшивую ноту в аккорде. В тот миг произошло нечто такое, что вполне могло случиться в подобном месте на страницах какого-нибудь забытого романа.

Из-за черных сосен вылетела, сверкая в лунном свете, обнаженная шпага – тонкая и блестящая рапира, возможно прошедшая через множество несправедливых дуэлей, которые повидал этот старинный парк на своем веку. Она упала далеко, но прямо на дорогу впереди него, где замерла, блестя, словно огромная игла. Опомившись, он большими скачками, точно кролик, подбежал к ней и склонился, чтобы получше рассмотреть. С близкого расстояния она выглядела нарочито ярко: подлинность огромных красных камней на рукоятке и гарде вызывала некоторое сомнение. Но другие красные капли, на клинке, сомнений вызвать не могли.

Кидд растерянно посмотрел в том направлении, откуда прилетел удивительный снаряд, и увидел, что в этом месте стена елей и сосен прерывается меньшей дорожкой, пересекающей под прямым углом ту аллею, по которой он шел. Когда он свернул на нее, перед ним во всей красе предстало широкое ярко освещенное здание с озером и фонтанами, но он не смотрел на него, потому что внимание его привлекло нечто более интересное.

Над ним, на склоне крутого зеленого склона расположенного террасами сада притаился один из живописных маленьких сюрпризов, характерных для старинного декоративного садоводства, – небольшой округлый холм или бугорок, покрытый травой и чем-то напоминающий гигантскую кротовину, окруженный и увенчанный тремя рядами розовых кустов. На самом верху, прямо посередине, возвышались солнечные часы. Кидду были видны торчащий треугольник, чернеющий на фоне неба, точно акулий плавник, и высокая подставка неподвижных часов, охваченная призрачным лунным светом. Но он также успел заметить и нечто другое, цепляющееся за постамент, хотя этот темный силуэт пробыл там всего миг.

Это был человек. Несмотря на то что фигура оставалась там не больше доли секунды, несмотря на то что на мужчине был причудливый, немыслимый костюм (он весь был затянут в тесное темно-красное трико в золотых блестках), он узнал его. Одной вспышки лунного света хватило ему, чтобы различить бледный лик, устремленное к небу чистое и неестественно молодое байроновское лицо, только с римским носом, и черные, подернутые сединой кудри, которые он видел на тысячах фотографий сэра Клода Чемпиона. Фантастическая красная фигура какую-то секунду цеплялась за часы, а потом упала, скатилась по крутому склону к ногам американца и, шевельнув рукой, замерла.

Витиеватый, причудливый золотой узор на рукаве вдруг заставил Кидда вспомнить о «Ромео и Джульетте». Ну конечно, этот облегающий малиновый наряд был нужен для роли. Но на склоне, по которому скатился человек, осталось длинное красное пятно... и это уже не было частью пьесы. Он был ранен.

Мистер Калхун Кидд стал кричать, призывая на помощь. Снова ему почудилось, что поблизости раздались призрачные шаги, но на этот раз он вздрогнул, когда увидел, что рядом с ним выросла еще одна фигура. Он знал, кто это, и все же появление этого человека испугало его. Беззаботный репортер «Модного общества», назвавшийся Дэлроем, казался жутко спокойным. Если Бульнуа не являлся на назначенные встречи, то Дэлрой, похоже, имел зловещую привычку являться на встречи неназначенные. В свете луны все

потеряло свой истинный цвет, и бледное лицо рыжеволосого Дэлроя выглядело не столько белым, сколько зеленоватым.

Наверное, эта цветовая катавасия, этот нездоровый импрессионизм заставил Кидда выкрикнуть, грубо и безо всякого разумного повода:

– Негодяй, это вы сделали?

Джеймс Дэлрой неприятно улыбнулся, но, прежде чем он успел что-то ответить, лежащая на земле фигура снова шевельнула рукой и слабо махнула в сторону того места, где упала шпага. Потом послышались слабый стон и едва различимые слова:

– Бульнуа... Это Бульнуа... Бульнуа это сделал... ревновал ко мне... ревновал, он, он...

Кидд склонился, чтобы разобрать что-то еще и услышал уже совсем тихое:

– Бульнуа... моей шпагой... бросил ее.

Снова рука двинулась в сторону шпаги, но обмякла и глухо упала на землю. В глубине души Кидда пробудилась та странная резкость, которая стоит за серьезностью американцев.

– Вот что, – сухо произнес он. – Разыщите доктора. Он умирает.

– Думаю, священник тоже не помешает, – с непонятной интонацией отозвался Дэлрой. – Все эти Чемпионы – паписты.

Американец опустился на колени рядом с телом, приложил к груди ухо, приподнял голову, пытаясь вернуть к жизни заколотого, но когда второй журналист вернулся в сопровождении доктора и священника, он встретил их сообщением, что они пришли слишком поздно.

– Вы тоже оказались здесь слишком поздно? – подозрительно осматривая Кидда, спросил доктор, солидный, важного вида мужчина с самыми обычными усами и бакенбардами и наблюдательным взглядом.

– В некотором роде, – протянул журналист «Солнца Запада». – Я не успел спасти его, но успел услышать кое-что важное. Я услышал, как умирающий назвал убийцу.

– И кто же убийца? – Доктор сдвинул тяжелые брови.

– Бульнуа, – ответил Калхун Кидд и негромко присвистнул.

Доктор посмотрел на него удивленно-негодуя, лицо его стало наливаться краской, но возражать он не стал. Тогда заговорил стоявший чуть в стороне невысокий священник.

– Дело в том, что мистера Бульнуа сегодня не было в «Пендрагон-парке».

– Тем не менее, – непреклонным тоном произнес янки, – я думаю, что могу помочь Старому Свету с фактами. Да, сэр, Джон Бульнуа сегодня весь вечер собирался пробыть дома – у меня, видите ли, была назначена встреча с ним. Но Джон Бульнуа передумал. Джон Бульнуа неожиданно ушел из дома и в одиночестве направился сюда, в этот чертов парк, около часа назад. Так сказал мне его дворецкий. Я думаю, что мы имеем самый настоящий ключ, как это называет доблестная полиция... Вы, кстати, их уже вызвали?

– Да, – сказал доктор. – Но больше пока никому ничего не сообщали.

– А миссис Бульнуа знает? – спросил Джеймс Дэлрой, и снова Кидд почувствовал необъяснимое желание заехать кулаком по этой усмехающейся физиономии.

– Я ей не говорил, – угрюмо произнес доктор. – Но вот и полиция.

Тем временем маленький священник сходил на главную аллею и вернулся со шпагой, которая казалась до смешного огромной и театральной в руках этого невысокого коренастого человечка, странным образом имевшего одновременно и церковный, и светский вид.

– Пока не прибыла полиция, – произнес он извиняющимся тоном. – Кто-нибудь может подсветить?

Журналист янки достал из кармана электрический фонарик. Священник поднес его к шпаге, помаргивая, внимательно осмотрел середину клинка и, даже не взглянув ни на острие, ни на рукоятку, передал длинное оружие доктору.

– Боюсь, мои услуги здесь не понадобятся, – коротко вздохнув, произнес он. – Всего хорошего, джентльмены.

И он побрел по темной аллее к дому, сложив за спиной руки и задумчиво опустив большую голову.

Остальные поспешно устремились к воротам сада, где инспектор с двумя констеблями уже разговаривали с привратником. Но священник шел сквозь беспросветный коридор сосен все медленнее и медленнее, а у порога и вовсе застыл. Дело в том, что навстречу ему совершенно бесшумно из дому выплыло видение, которое даже мистер Калхун Кидд посчитал бы соответствующим его представлениям о прекрасном и аристократическом призраке. Это была молодая женщина в старинном серебристом атласном платье такого фасона, который носили в эпоху Возрождения, золотистые волосы ее были сплетены в две длинные блестящие косы, и лицо, обрамленное ими, казалось таким бледным, что можно было подумать, будто вся она сделана из золота и слоновой кости, как какая-нибудь старинная греческая статуя. Только глаза ее горели ярко, а голос, хоть и негромкий, звучал уверенно.

– Отец Браун? – произнесла она.

– Миссис Бульнуа? – сдержанно откликнулся он и, окинув ее взглядом, прибавил: – Вижу, вы уже знаете о сэре Клоде.

– Откуда вы знаете, что я знаю? – спокойным голосом спросила актриса.

Священник ответил вопросом на вопрос:

– Вы видели своего мужа?

– Мой муж дома, – сказала она. – Он к этому не имеет никакого отношения.

Священник промолчал. Лицо женщины странно напряглось, она сделала шаг вперед и с жутковатой улыбкой произнесла, глядя прямо ему в глаза:

– Сказать вам кое-что еще? Я не думаю, что это его рук дело, и вы тоже не думаете.

Отец Браун не отвел взгляда. Он долго смотрел на нее из-под насупленных бровей, потом молча кивнул.

– Отец Браун, – обратилась к нему леди, – я расскажу вам все, что мне известно, но сначала хочу попросить вас об одолжении. Объясните, почему вы сразу, как все, не решили, что это бедный Джон? Говорите, как есть, я... Я знаю про эти слухи и догадываюсь, что все складывается против меня.

Отец Браун, похоже, смешался. Он неуверенно провел по лбу рукой и сказал:

– Два очень маленьких обстоятельства. Одно самое обычное, а второе – очень смутное. Но вместе они указывают на то, что мистер Бульнуа вряд ли может быть убийцей.

Подняв к звездам открытое круглое лицо, он продолжил рассеянным голосом:

– Сначала о смутном. Смутные представления я считаю очень важными. Все эти вещи, которые «не являются уликами», для меня – самые убедительные. Я считаю, что невозможность нравственная – самая сильная из всех невозможностей. Мужа вашего я почти не знаю, но полагаю, что это, совершенное, как полагают, им преступление очень сильно похоже на нравственную невозможность. Не подумайте, будто я считаю, что Бульнуа на такое не способен. Любой человек способен на зло... в той степени, которую он сам для себя выбирает. Мы ведь можем управлять своими нравственными желаниями, но мы не можем управлять заложенными в нас от природы вкусами и побуждениями. Бульнуа мог совершить убийство, но не такое, как это. Он не стал бы орудовать таким романтическим оружием, как шпага Ромео, не стал бы закалывать своего врага на солнечных часах, точно на каком-то алтаре, или оставлять тело в розовых кустах, или выбрасывать шпагу за сосны. Если бы Бульнуа решил кого-нибудь убить, он сделал бы это спокойно, обдуманно, с той же рассудительностью, с которой стал бы делать что-либо сомнительное... пить десятый стакан портвейна, например, или читать какого-нибудь неприличного греческого поэта. Нет, романтика не по части Бульнуа. Это больше похоже на Чемпиона.

Глаза актрисы сверкнули, как алмазы.

– А обычное обстоятельство заключается в следующем, – продолжил отец Браун. – На шпаге остались отпечатки пальцев. Отпечатки пальцев, если они находятся на гладкой полированной поверхности, такой как стекло или сталь, могут сохраняться там очень долго. На шпаге были отпечатки, на середине полированного лезвия. Чьи это отпечатки, я понятия не имею, но кому могло понадобиться брать шпагу за клинок? Шпага длинная, но длина, напротив, только помогает, если нужно сделать выпад и пронзить тело врага. По крайней мере, это относится почти ко всем врагам. Почти ко всем, кроме одного.

– Кроме одного, – повторила она.

– Есть только один враг, которого проще убить коротким кинжалом, чем длинной шпагой.

– Я знаю, – сказала женщина. – Самого себя.

Минуту они помолчали, а потом священник тихим, но отчетливым голосом произнес:

– Значит, я прав? Сэр Клод сам нанес себе смертельный удар?

– Да, – сказала она, и лицо ее сделалось бледным и непроницаемым, точно мрамор. – Я видела, как он это сделал.

– Он умер из-за любви к вам?

Неожиданно по ее лику скользнуло яркое, но непонятное выражение, не имевшее ничего общего ни с жалостью, ни со стыдом, ни с горем – ни с чем, что в тот миг ожидал увидеть священник. Голос ее вдруг набрал силу и зазвучал четко и уверенно.

– На меня ему было наплевать, – произнесла она. – Он ненавидел моего мужа.

– Почему? – спросил священник, оторвав взгляд от звезд и повернув круглое лицо к леди.

– Потому что... Это настолько странно, что я даже не знаю, как об этом сказать... Он ненавидел его... потому что...

– Почему? – терпеливо повторил Браун.

– Потому что муж не стал ненавидеть его.

В ответ отец Браун лишь кивнул, ничего не сказав. Он продолжал слушать. От всех остальных сыщиков, вымышленных и настоящих, он отличался одной маленькой чертой: он никогда не делал вид, что не понимает, если все понимал прекрасно.

Миссис Бульнуа подошла к нему еще ближе. Лицо ее светилось все той же уверенностью.

– Мой муж, – сказала она, – великий человек. Сэр Клод Чемпион не был великим человеком. Он был знаменитым и успешным, но не великим. Муж никогда не был ни знаменитым, ни успешным и никогда не мечтал таким стать. Я это знаю наверняка. Он никогда и не думал, что умом можно добиться славы. Для него это было все равно что рассчитывать завоевать известность курением сигар. В этих делах он оставался совершенным ребенком. Он так и не вырос. Чемпиона он любил точно так же, как любил в школе. Он восхищался им, как восхищаются фокусом, показанным за обеденным столом. Но ни на миг, ни на долю секунды в сердце его не появилось чувство зависти. А Чемпион хотел, чтобы ему завидовали. Из-за этого он обезумел и убил себя.

– Да, – произнес отец Браун. – Кажется, я начинаю понимать.

– Разве вы не видите? – неожиданно воскликнула она. – Здесь все для этого создано... Все, что вокруг, все это место... Чемпион отвел Джону этот домишко у своих ворот, как какому-нибудь приживале... Специально, чтобы унижить его. Но муж не почувствовал этого. Джона такие вещи заботят не больше, чем... какого-нибудь рассеянного льва. Когда Джону бывало совсем туго, когда он едва сводил концы с концами, Чемпион заявлялся к нему с безумно дорогими подарками или с какой-нибудь потрясающей новостью, или звал с собой

в очередную экспедицию, точно Гарун аль-Рашид¹⁷, а Джон лишь выслушивал его вполуха и спокойно то ли соглашался, то ли отказывался, как один ленивый школьник соглашается или не соглашается с другим. Так продолжалось пять лет, и за это время Джон не изменился ни на йоту. Это превратило сэра Чемпиона в маньяка, одержимого одной мыслью.

– И стал Аман рассказывать им, – негромко произнес отец Браун, – обо всем том, как возвеличил его царь, и сказал он: «Всего этого не довольно для меня, доколе я вижу Мардохея Иудеянина сидящим у ворот царских»¹⁸.

– Перелом наступил, – продолжила миссис Бульнуа, – когда я убедила Джона позволить мне записать кое-какие его мысли и отправить их в журнал. Их заметили, особенно в Америке, и одна газета захотела взять у него интервью. Когда Чемпион, у которого интервью брали чуть ли не каждый день, услышал об этом крошечном успехе, выпавшем на долю его соперника (который и не подозревал об их соперничестве), последнее звено цепи, удерживавшей его бешеную ненависть, разорвалось. Он устремил все свои силы на меня. Тогда и началась эта безумная осада, он стал добиваться моей любви и уважения, о чем вскоре заговорило все графство. Вы спросите, почему я не прекратила эти назойливые домогательства? Но чтобы это сделать, мне пришлось бы объясняться с мужем, а есть вещи, которые душе не под силу, точно так же, как телу не под силу летать. Никто не смог бы объяснить мужу, что происходит. Никто и сейчас не сможет этого. Если бы вы даже сказали ему напрямик: «Чемпион хочет отбить у вас жену», – он бы всего лишь подумал, что шутка несколько грубовата, ему бы и в голову не пришло, что это могло быть сказано не в шутку. Такой мысли просто не найти трещины в его твердом черепе, чтобы забраться внутрь... Джон сегодня собирался прийти посмотреть представление, но, когда мы уже собирались уходить, сказал, что не пойдет, что нашел интересную книгу и хочет почитать и покурить сигару. Я рассказала об этом сэру Клоду, и это стало для него смертельным ударом. Безумец понял, что все его старания напрасны. Он пронзил себя шпагой, закричав, как дьявол, что Бульнуа убивает его. Дикое желание вызвать ревность и зависть привело к тому, что теперь он лежит мертвый у себя в саду, а Джон сидит дома в столовой и читает книгу.

Они опять помолчали, а потом маленький священник сказал:

– Миссис Бульнуа, в вашем убедительном рассказе есть только одно слабое место. Ваш муж сейчас не сидит в столовой с книгой. Этот американский репортер рассказал, что заходил к вам домой и ваш дворецкий сказал ему, что мистер Бульнуа все-таки решил пойти в «Пендрагон-парк».

Ее яркие глаза распахнулись, почти как от электрического удара. Но во взгляде не было ни замешательства, ни страха, скорее недоумение.

– Что? О чем вы говорите? – воскликнула она. – В доме не осталось слуг. Все они пришли сюда на спектакль. И у нас, слава Богу, никогда не было дворецкого.

Отец Браун от удивления чуть не подпрыгнул, он стремительно повернулся на пол-оборота, как какой-то нелепый волчок.

– Как? Как? – закричал он, словно внезапно пробудившись к жизни. – Послушайте... Но я... Ваш муж откроет, если я позвоню в дверь?

– Слуги уже, наверное, вернулись, – в недоумении ответила она.

– Верно, верно! – сбивчиво пробормотал клирик и со всех ног побежал по дороге к воротам «Пендрагон-парка». По дороге он развернулся и крикнул: – Задержите этого янки, а не то завтра все американские газеты выйдут под заголовком «Преступление Джона Бульнуа».

¹⁷ Гарун аль-Рашид (766–809) – арабский халиф Аббасидского халифата. При нем в халифате достигли значительного развития сельское хозяйство, ремесла, торговля и культура (преимущественно литература).

¹⁸ Книга Есфирь 5:13.

– Вы так и не поняли, – сказала миссис Бульнуа. – Ему это безразлично. Ему совершенно нет дела до того, что происходит в Америке.

Когда отец Браун добрался до дома с ульем и сонной собакой, невысокая аккуратная служанка провела его в столовую, где Бульнуа сидел в кресле у прикрытой абажуром лампы и читал книгу, в точности так, как описала его жена. Рядом на столике стояли графин с портвейном и бокал. Едва войдя в комнату, священник заметил длинный столбик пепла на его сигаре.

«Просидел так полчаса, не меньше», – подумал отец Браун. Вообще-то хозяин дома выглядел так, будто сидел на этом месте с обеда.

– Не вставайте, мистер Бульнуа, – приятным, обыденным голосом сказал отец Браун. – Не хочу вам мешать. Кажется, я прервал ваши научные занятия?

– Нет, – ответил Бульнуа. – Это «Окровавленный палец».

Произнес он это совершенно бездушно, не улыбнулся и не нахмурился, и гость его почувствовал в нем то глубинное, закоснелое безразличие, которое жена ученого называла величием. Он отложил книжку в яркой желтой обложке с нарисованными сочными кровавыми пятнами, даже не почувствовав, что над такой несообразностью можно было бы и подшутить. Джон Бульнуа был солидным, медлительным мужчиной с крупной головой с большими залысинами (остатки волос были седыми) и грубыми, тяжелыми чертами лица. На нем был потрепанный и очень старый фрак, на груди узким треугольником белела манишка. Очевидно, он так оделся, еще когда собирался сходить на представление, в котором его жена исполняла роль Джульетты.

– Я не оторву вас надолго ни от «Окровавленного пальца», ни от других катастроф, – улыбнулся отец Браун. – Я просто зашел поговорить с вами о том преступлении, которое вы сегодня вечером совершили.

Взгляд, который бросил на священника Бульнуа, ничего не выражал, но на широком лбу его появилась складка, словно этот человек впервые в жизни ощутил смущение.

– Я знаю, это было странное преступление, – кивнул Браун. – Более странное, чем убийство... для вас. В небольших грехах порой труднее признаваться, чем в больших... Но именно поэтому так важно это делать. Ваше преступление любая хозяйка модного салона совершает по шесть раз в неделю, но вам это кажется чудовищным злодеянием.

– Чувствуешь себя, как круглый дурак, – медленно произнес философ.

– Я знаю, – подтвердил отец Браун. – Но человеку часто приходится выбирать, либо чувствовать себя круглым дураком, либо быть им.

– Мне трудно объяснить свои действия, – продолжил Бульнуа. – Но, сидя в этом кресле с этой книгой, я почувствовал, что счастлив, как школьник в короткий день. Ощущение спокойствия, вечности... Я не могу этого передать... Сигара под рукой... Спички под рукой... Палец этот показался еще четыре раза... Это не просто покой, это полное совершенство. А потом зазвонил звонок, и минуту, бесконечно долгую и мучительную минуту я думал, что не смогу подняться с этого кресла... Буквально, физически, телесно, не смогу. Но все же я поднялся, словно взвалил себе на плечи весь мир, так как знал, что никого из слуг нет в доме. Я открыл дверь и увидел этого человечка, у которого уже был открыт рот, чтобы задавать вопросы, и блокнот, чтобы записывать ответы. Я вспомнил про назначенную с американцем встречу, которая у меня совершенно вылетела из головы. Знаете, волосы у него были разделены на прямой пробор, и, поверьте, убийство это...

– Я понимаю, – сказал отец Браун. – Я его видел.

– Убийства я не совершал, – спокойно продолжил катастрофист. – Я виноват всего лишь в лжесвидетельстве. Я сказал ему, что я ушел в «Пендрагон-парк», и захлопнул дверь у него перед носом. Вот и все мое преступление, отче, и я не знаю, какую епитимию вы можете за это на меня наложить.

– Я не стану налагать на вас никакой епитимьи, – сказал клирик, неуклюже нахлобучил на голову шляпу, чуть не выронив при этом старый тяжелый зонтик. – Напротив, я пришел к вам, чтобы вы избежали того небольшого наказания, которым могло обернуться ваше маленькое преступление.

– И чего же мне столь счастливо удалось избежать? – улыбнулся Бульнуа.

– Виселицы, – ответил отец Браун.

Проклятие золотого креста

Шесть людей сидели за небольшим столиком, и компания эта казалась до того разношерстной и случайной, словно все они, пережив каждый свое кораблекрушение, случайно оказались вместе на одном маленьком необитаемом островке. По крайней мере, море окружало их со всех сторон, поскольку в некотором смысле их маленький островок находился на другом острове, большом летучем острове, похожем на Лапуту¹⁹, и был одним из множества столиков, рассеянных по обеденному салону «Моравии», этого гигантского морского чудовища, несущегося сквозь ночь и нескончаемую пустоту Атлантического океана. Людей, оказавшихся в эту минуту рядом, не связывало ничего, кроме того факта, что все они плыли из Америки в Англию. По меньшей мере двоих из них можно было назвать знаменитостями, остальных — людьми малозаметными, а кое-кому подошло бы даже определение «сомнительная личность».

Первой знаменитостью был профессор Смайлл, крупный специалист в некоторых областях археологии поздней Византийской империи. Курс лекций, читанный им в одном американском университете, признан наиболее надежным источником даже в самых авторитетных европейских храмах науки. Его литературные труды пропитаны таким зрелым и образным восхищением европейской историей, что люди, незнакомые с ним лично, при первой встрече вздрагивали, услышав его американский акцент. И все же в некотором смысле его можно было назвать типичным американцем: длинные светлые ровные волосы, зачесанные назад, полностью открывали большой квадратный лоб, на лице — любопытное смешение озабоченности с готовностью к неожиданному и стремительному рывку. Чем-то он напоминал льва, расслабленно готовящегося к следующему прыжку.

В компании присутствовала только одна женщина, и была она (как часто величали ее газетчики) прирожденной хозяйкой, поскольку за этим, как, впрочем, и за любым столиком, держалась со спокойной, если не сказать царственной уверенностью. Леди Диана Уэйлз являлась знаменитой путешественницей по тропическим и другим странам. Однако, несмотря на столь неженское занятие, сейчас во внешности ее не было ни малейшего намека на грубость или мужеподобность. В ее красоте чувствовалось что-то тропическое: тяжелая грива огненных волос, наряд из тех, которые журналисты зовут смелым, а на ее умном лице глаза блестели ярко и живо, как у тех женщин, которые задают вопросы на политических собраниях.

Остальные четыре фигуры рядом в столь блистательном присутствии поначалу казались всего лишь тенью, но при ближайшем рассмотрении производили другое впечатление. Одним из них был молодой человек, внесенный в корабельный список пассажиров под именем Пол Т. Тэррент. Это типичный американец, которого скорее даже можно было бы назвать типичной противоположностью американца. Наверное, каждая нация порою порождает этаким антитип, своего рода ярко выраженное исключение, подтверждающее национальную самобытность. В Америке так же искренне уважают труд, как в Европе уважают войну. Для американцев работа имеет некоторый флер героизма, и лентяй там почитается за человека второго сорта. Антитип становится заметен именно своей редкостью. Он считается «денди», или на местном наречии «пижоном»: богатым прожигателем жизни, который во многих американских романах выписан в образе жалкого злодея. Пол Тэррент производил впечатление человека, единственным занятием которого была постоянная смена костюмов. И действительно, переодевался он в день раз шесть, изысканный светло-серый костюм его уступал место такому же, но на тон светлее или темнее, подобно тончайшим измене-

¹⁹ Воображаемый летающий остров, описанный в «Приключениях Гулливера».

ниям в серебре сумерек. В отличие от большинства американцев, он носил очень аккуратную короткую кудрявую бородку, и, в отличие от большинства денди, даже одного с ним склада, впечатление производил скорее мрачное, чем яркое. В его молчаливости и в его хандре было что-то почти байроническое.

Следующую пару путешественников можно вполне естественно объединить в один тип, поскольку оба они были лекторами-англичанами, возвращавшимися из поездки по Америке. Одного из них называли Леонардом Смитом, и, судя по всему, это был средней руки поэт, но высокого полета журналист. Вытянутой формы голова, светлые волосы, он был прекрасно одет и явно умел ухаживать за собой. Второй настолько от него отличался, что производил в некотором роде даже комичное впечатление, ибо был невысок, плотен и настолько же молчалив, насколько его спутник – разговорчив. Вдобавок он имел черные моржовые усы. Однако, поскольку в свое время он одновременно обвинялся в ограблении и восхвалялся за спасение румынской принцессы, едва не угодившей в когти ягуара в его странствующем зверинце, благодаря чему его имя сделалось известно в великосветских кругах, стало как бы само собой подразумеваться, что взгляды этого человека на Бога, на прогресс, на собственные молодые годы и на будущее англо-американских отношений станут интересны обитателям Миннеаполиса и Омахи.

Шестой и самой неприметной фигурой был маленький английский священник по фамилии Браун, который с нарастающим вниманием прислушивался к разговору.

– А вот я думаю, – говорил Леонард Смит, – ваши византийские исследования, профессор, смогут пролить свет на ту могилу, которую обнаружили где-то на восточном побережье, кажется, рядом с Брайтоном. Брайтон от Византии, конечно же, далеко, но я читал, будто там то ли стиль захоронения, то ли способ бальзамирования оказался византийским.

– Наука о Византии еще только начинает развиваться, – сухо ответил профессор. – Вот все говорят о специализации, мне же специализация представляется сложнейшей штукой в мире. Возьмем, к примеру, данный случай. Как может кто-нибудь утверждать, что хоть что-то знает о Византии, если не изучил досконально римскую культуру, существовавшую до нее, и ислам, появившийся после? Почти все арабское искусство является порождением позднего византийского искусства. Да возьмите хотя бы алгебру...

– Ну уж нет! – решительно вскричала единственная женщина за столом. – Меня алгебра никогда не занимала и сейчас совершенно не интересует, но меня ужасно интересует бальзамирование. Я была с Гаттоном, когда он открыл вавилонские гробницы, и с тех пор у меня появился жуткий интерес ко всевозможным мумиям, древним захоронениям, ну и так далее. Лучше расскажите нам что-нибудь об этом, прошу вас!

– Гаттон был необычным человеком, – сказал профессор. – Вообще это интересная семья. Его брат, тот самый, который стал членом парламента, был не просто политиком. Я никогда не понимал фашистов, пока не услышал его знаменитую речь об Италии.

– Наш маршрут не проходит через Италию, – с нажимом произнесла леди Диана, – стало быть, вы направляетесь в то местечко, где обнаружили эту могилу. Это в Суссексе, кажется?

– Суссекс – довольно большое графство по сравнению с остальными английскими графствами, – заметил профессор. – Он прекрасно подходит для пеших путешествий. Просто удивительно, какими огромными кажутся суссекские холмы, когда поднимаешься на них.

Тут как-то вдруг все разом замолчали, и через какое-то время женщина произнесла:

– Пойду-ка я на палубу.

Она встала и направилась к двери. Мужчины тут же последовали ее примеру. Лишь профессор немного задержался. Последним из-за стола встал священник, который предвзительно аккуратно сложил салфетку. Когда они таким образом остались наедине, профессор неожиданно обратился к своему компаньону:

– А по-вашему, каков был смысл этого небольшого разговора?

– Что ж, – улыбнулся отец Браун, – раз уж вы спросили, не скрою, меня кое-что удивило. Может быть, я и ошибаюсь, но вся компания трижды пыталась вывести вас на разговор о бальзамированном теле, которое, как говорят, нашли в Суссексе. Вы же, со своей стороны, очень любезно предлагали поговорить сначала об алгебре, потом о фашистах, а потом – о горных пейзажах Суссекса.

– Проще говоря, – сказал на это профессор, – вы подумали, что я готов разговаривать на любую тему, кроме этой. И были совершенно правы.

Какое-то время профессор помолчал, глядя на скатерть на столе, после чего вскинул голову и принялся быстро говорить – лев наконец решился на прыжок.

– Прошу вас выслушать меня, отец Браун, – сказал он. – Я считаю вас самым умным и самым благородным человеком из всех, с кем мне приходилось встречаться.

Отец Браун был истинным англичанином и, как любой англичанин, услышав в свой адрес такой неожиданный, откровенный и по-американски прямой комплимент, совершеннейшим образом растерялся. В ответ он промямлил что-то нечленораздельное, поэтому профессор продолжил с той же категоричной искренностью:

– Видите ли, в чем дело, с этой могилой все как будто очень просто. Средневековая христианская гробница, судя по всему, захоронение какого-то епископа, найдена под небольшой церковью в Далэме на суссекском побережье. Местный приходской священник оказался неплохим археологом-самоучкой, он изучил могилу, и сейчас ему известно намного больше, чем пока что знаю я. Говорят, что захороненное тело было забальзамировано, причем таким способом, который широко применялся греками и египтянами, но был неизвестен на западе, особенно в те времена. Поэтому у мистера Уолтерса (так зовут приходского священника) и возникла мысль насчет византийского влияния. Однако, кроме этого, он упомянул и еще кое-что, заинтересовавшее меня еще больше.

Вытянутое серьезное лицо археолога вытянулось еще сильнее и сделалось еще серьезнее, когда он, сдвинув брови, снова опустил взгляд на скатерть и стал водить по ней пальцем, точно изучая планы каких-то древних, давным-давно умерших городов с их храмами и могилами.

– Только вам и никому другому я могу рассказать, почему я не хочу обсуждать это дело с посторонними людьми и почему, чем больше желания поговорить об этом они проявляют, тем осторожнее я себя веду. Я узнал, что в гробу была найдена цепь с крестом. С виду это самый обычный крест, но на его оборотной стороне изображен некий символ, который до сих пор имелся лишь на одном кресте в мире. Он имеет отношение к самому раннему периоду христианства и, как считается, указывает на то, что еще до прибытия в Рим Петр основал папский престол в Антиохии. Как бы там ни было, я считаю, что во всем мире существует еще только один такой крест, и принадлежит он мне. Да, я слышал рассказы о том, что на нем якобы лежит какое-то проклятие, но я не обращаю внимания на подобные разговоры. Проклятие не проклятие, но я знаю наверняка, что с этой вещью действительно связан некий заговор. Хотя в заговоре этом участвует только один человек.

– Один человек? – удивленно повторил отец Браун.

– Один сумасшедший, насколько я знаю, – кивнул профессор Смайлл. – Это довольно длинная и довольно глупая история.

Он снова на какое-то время замолчал, выводя на скатерти архитектурные планы, а затем продолжил:

– Наверное, будет лучше начать с самого начала – вдруг вы увидите что-нибудь такое, на что я не обратил внимания. Все началось много лет назад, когда я был занят кое-какими исследованиями на Крите и греческих островах. Почти все я делал собственными руками, лишь изредка прибегая к помощи местного населения, доверяя им лишь самую грубую

и незначительную работу. Иногда я в прямом смысле работал в полном одиночестве. И вот один раз я наткнулся на целый лабиринт подземных ходов, в конце которого обнаружил груды каменных обломков, кусков орнамента и разрозненных гемм, которые посчитал остатками какого-то древнего алтаря. Там же я нашел любопытный золотой крест. Я повернул его и увидел, что сзади на нем изображен ихтис, ранний христианский символ в виде рыбы. Только рисунок этот отличался от того, как этот символ обычно изображали в древности. Мне показалось, что он был выполнен более реалистично, что ли. Так, словно древний художник хотел не просто изобразить некую овальную форму, как это принято, а действительно старался придать своему рисунку сходство с настоящей рыбой. С одной стороны изображение было сплюснуто, и это было уже не графическое украшение, а своего рода примитивная, грубая зоология.

Чтобы вкратце объяснить, почему эта находка показалась мне такой важной, придется познакомить вас с целью тех раскопок. Во-первых, велись они на месте старых раскопок. Мы искали не только древности, но и следы охотников за древностями. У нас были причины думать (по крайней мере по мнению некоторых из нас), что эти подземные ходы (в основном минойского периода, как и тот знаменитый лабиринт, который считается тем самым лабиринтом Минотавра) не были погребены под землей и забыты со времен Минотавра до наших дней. Мы полагали, что в эти подземелья, можно даже сказать в эти подземные города и деревни, когда-то уже проникали какие-то люди с какими-то неизвестными нам целями. Насчет этих целей существуют разные предположения: одни считают, что кто-то из императоров приказал раскопать их из простого научного любопытства, другие – что во времена поздней Римской империи, когда расцвело пышным цветом дикое азиатское идолопоклонничество, какая-то из безымянных манихейских сект или кто-то еще проводил там оргии, которые нужно было скрывать от солнца. Я отношу себя к числу тех, кто верит, что эти подземные ходы в свое время использовались как катакомбы. То есть мы полагаем, что во время религиозных преследований, которые, как огонь, распространились по всей Римской империи, в этих древних каменных языческих лабиринтах скрывались от гонителей первые христиане. Вот почему я так разволновался, когда нашел там древний золотой крест и увидел на нем рисунок. И каково же было мое удивление, даже счастье, когда я, развернувшись и направившись обратно вверх к выходу, посмотрел на голые каменные стены этого бесконечного узкого хода и увидел еще одно изображение рыбы, более грубое, но, если такое возможно, еще более узнаваемое.

Чем-то оно напоминало окаменевшую рыбу или какой-то другой доисторический организм, навеки впечатанный в застывшее море. Я не мог понять, почему у меня возникла эта аналогия, в общем-то, с простым рисунком, нацарапанным на камне, пока вдруг не осознал, что в уме уподобил первых христиан рыбам, немым рыбам, живущим в мире кремешной тьмы и тишины. Они были загнаны глубоко под землю, где царят беззвучие и мрак.

Каждому, кто когда-либо ходил по каменным подземельям, знакомо ощущение, что тебя преследуют чьи-то шаги. Эхо доносится до тебя сзади или спереди такими явственными звуками, что человеку практически невозможно поверить, что он под землей один. Я уже свыкся с этим эффектом и какое-то время почти не обращал на него внимания, пока не заметил символический рисунок на стене. Я остановился, но в тот же самый миг чуть не остановилось мое сердце, потому что хоть ноги мои и прекратили движение, отзвук шагов продолжал доноситься.

Тогда я побежал. Призрачные шаги тоже ускорились, но мне показалось, что они не совпадали с моими, как должно быть, когда звук отражается от стен. Я снова остановился, шаги тоже замерли, но я готов поклясться, что остановились они на какой-то миг позже, чем должны были. Я что-то крикнул, кажется, спросил, кто там, и услышал ответ, но это был не мой голос.

Звук пришел из-за угла камня прямо передо мной, а потом, пока длилась эта странная погоня, я все время замечал, что звуки и голос всегда доносились из-за какого-нибудь поворота впереди меня. То небольшое пространство, которое мог осветить мой маленький электрический фонарь, всегда было пустым, как пустая комната. В таких вот условиях, на ходу, и проходил разговор. Я не знаю, с кем разговаривал, но говорили мы долго, пока не показался первый проблеск дневного света, и даже тогда я его не увидел. Но начало лабиринта было испещрено бесчисленными отверстиями, проломами и расщелинами, так что он легко мог бы незаметно проскользнуть мимо меня и снова скрыться в подземном пещерном мире. Я только знаю, что вышел из лабиринта на совершенно пустые уступы огромной скалы, похожие на гигантскую мраморную лестницу. Они оживлялись лишь зеленью растений, которая казалась еще больше метафорической, чем чистота камня, и чем-то напомнила мне восточное нашествие, распространившееся по угасающей Эллад. Я посмотрел на безупречно синюю морскую гладь, солнце светило ярко и ровно, вокруг не было ни души, стояла совершеннейшая тишина, ни одна травинка не дрожала, потревоженная движением, нигде не мелькнула даже тень чего-либо живого.

То был странный и страшный разговор. Поразительно личный и глубокий и в то же время такой обыденный... Это существо, бестелесное, безликое, безымянное, называло меня по имени, беседовало со мной в этих криптах и пещерах, где мы были похоронены заживо, так же спокойно и невозмутимо, как если бы мы сидели в креслах в каком-нибудь клубе. Но оно пообещало убить меня или любого другого, к кому в руки попадет крест со знаком рыбы. Незнакомый откровенно признался, что не напал на меня там, в лабиринте, лишь поскольку знал, что у меня под рукой был заряженный револьвер, он не хотел рисковать. Однако он точно таким же спокойным голосом заверил меня, что тщательно спланирует мое убийство так, чтобы исключить неудачу, продумает каждую мелочь, оградит себя от любой возможной опасности, сказал, что дело это будет исполнено с художественным совершенством, достойным китайского мастера или индийского вышивальщика, которые посвящают одному произведению всю свою жизнь. Но он не был восточным человеком. Я уверен, что он был белым и, скорее всего, моим соотечественником.

С тех пор я не перестаю время от времени получать разные знаки, символы и странные неподписанные послания, что окончательно убедило меня по крайней мере в том, что если этот человек – маньяк, то он стал жертвой навязчивой идеи. В этих записках он совершенно спокойно, как бы даже легкомысленно повторяет одно и то же: подготовка к моему убийству и похоронам продвигается удовлетворительно, и есть лишь один способ, которым я могу предотвратить ее увенчание полным успехом: я должен вернуть хранящуюся у меня реликвию – уникальный крест, который я нашел в пещере. Пока что в его поведении я не заметил никакого религиозного рвения или иступленности. Похоже, он имеет лишь одну страсть, страсть коллекционера древностей. И это одна из причин, по которым я считаю его западным, а не восточным человеком. Вот только древность эта, кажется, свела его с ума.

А потом появилось это сообщение, правда еще не подтвержденное, о том, что точно такой же крест был найден на забальзамированном теле в суссекском захоронении. Если он был безумцем раньше, то теперь новость эта превратила его в бесноватого, одержимого семью бесами. Ему, наверное, было неприятно осознавать, что в мире существует уникальная вещь и принадлежит она кому-то другому, но мысль о том, что теперь их стало две и обе они принадлежат не ему, стала для него невыносимой пыткой. Его безумные послания посыпались на меня, точно град отравленных стрел, и в каждой он все убежденнее говорил о том, что смерть настигнет меня, как только я протяну свою недостойную руку к кресту из могилы.

«Вы никогда не узнаете меня, – писал он, – вы никогда не произнесете мое имя, никогда не увидите моего лица, вы умрете, так и не узнав, кто убил вас. Я могу быть любым

из тех, кто находится рядом с вами, но я окажусь тем единственным, на кого вы не взглянете в решающий миг».

Эти угрозы заставили меня сделать вывод, что, скорее всего, он станет преследовать меня в этой поездке и попытается выкрасть крест или подстроить какую-нибудь неприятность, чтобы завладеть им. Но, поскольку я ни разу в жизни не видел этого человека, он может оказаться практически любым из тех, с кем я встречаюсь. Проще говоря, он может оказаться даже любым из официантов, обслуживающих мой стол, или любым из моих попутчиков, сидящих рядом.

– Он может быть мной, – с улыбкой произнес отец Браун, презрев грамматику.

– Он может быть кем угодно, – серьезно кивнул Смайлл. – Об этом я и говорю. Вы единственный человек, которого я могу не подозревать.

Отец Браун снова смутился, но потом улыбнулся и сказал:

– Как ни странно, но я действительно не он. Первым делом нам нужно удостовериться, что он действительно находится здесь. И сделать это нужно, прежде чем... Прежде чем он проявит себя.

– По-моему, есть только один способ это выяснить, – мрачно заметил профессор. – Когда мы доберемся до Саутгемптона, я сойду на берег, сразу же возьму автомобиль и поеду в Далэм. И я был бы весьма благодарен вам, если бы вы согласились поехать со мной. Когда плавание подойдет к концу, наша компания, разумеется, распадется, и если кто-нибудь из нее появится в том маленьком церковном дворе на суссекском берегу, мы узнаем, кто это.

И план профессора был надлежащим образом приведен в исполнение. По крайней мере в том, что касалось автомобиля и его груза в лице отца Брауна. Они ехали по дороге, тянувшейся вдоль берега моря с одной стороны и гемпширскими и суссекскими холмами – с другой. Никакой погони не наблюдалось. Когда они добрались до деревушки Далэм, по пути им встретился лишь один человек, имеющий хоть какое-то отношение к этому делу, – журналист, который только что посетил церковь, где приходской священник любезно провел его по недавно раскопанной часовне, но разговаривал он и вел себя как обычный репортер. Впрочем, профессор Смайлл все же был несколько перевозбужден и, очевидно, поэтому никак не мог отделаться от впечатления, будто во внешнем виде и поведении молодого человека было что-то подозрительное. Репортер был высок, вид имел пообтрепавшийся, и на лице его особенно выделялись крючковатый нос, запавшие глаза и унылые обвислые усы. Похоже, что экскурсия не доставила ему ни малейшего удовольствия. Более того, казалось, что он спешил, когда двое путешественников остановили его, чтобы расспросить.

– Все дело в проклятии, – сказал он. – Проклятии, которое лежит на этом месте, если верить путеводителю, священнику или здешним старожилам, выбирайте сами, кому верить. И если честно, тут действительно это чувствуется. Не знаю, правда это или нет, но я рад, что выбрался наконец из этого места.

– А вы верите в проклятия? – с любопытством спросил Смайлл.

– Я ни во что не верю, я – журналист, – ответствовало безрадостное существо. – Бун, «Дейли уайер», к вашим услугам. Но знаете, в этом склепе действительно есть что-то жуткое. Честное слово, мне там было не по себе.

И он зашагал дальше в сторону железнодорожной станции, поддав шагу.

– Что-то этот парень напомнил мне ворона. Или ворону, – заметил Смайлл, когда они повернули к церковному двору. – В общем, вестник несчастья.

Медленно они вошли в церковный двор. Американский антиквар окинул внимательным взглядом крытый вход на кладбище и высокие, необъятные тисы, казавшиеся черными, как сама ночь, даже на солнечном свете. Дорожка пошла вверх между холмами, из которых под разными углами торчали могильные плиты, точно каменные волноломы, разбросанные по зеленому морю вдоль берега, пока не достигла хребта, за которым ровной, похо-

жей на железный рельс полосой раскинулось серое и гладкое море со стальными пятнами тусклого света. Почти прямо у них под ногами разросшаяся жесткая трава сменялась зарослями приморского синеголовника, который ближе к берегу растворялся в серо-желтом песке. На фоне моря, футах в двух-трех от этих зарослей, темнел неподвижный человеческий силуэт. Если бы не темно-серое одеяние, его почти можно было бы принять за какое-нибудь надгробное изваяние, но отец Браун сразу узнал легкую сутулость и зловеще торчащую короткую бородку.

– Вот это да! – воскликнул профессор археологии. – Это же тот человек, Тэррент, если можно назвать его человеком! Когда мы разговаривали на судне, можно ли было предположить, что мы так скоро получим ответ на мой вопрос?

– Мне кажется, на ваш вопрос может оказаться слишком много ответов, – заметил отец Браун.

– Как вас понимать? – Обернувшись, профессор метнул на него быстрый взгляд.

– Я хочу сказать, – кротко произнес священник, – что за тисами я слышал голоса. Не думаю, что мистер Тэррент так одинок, как кажется, даже осмелюсь предположить, как ему хочется казаться.

Подтверждение этому заявлению пришло очень скоро, одновременно с тем как Тэррент, как обычно, медленно и с хмурым видом повернулся. Другой голос, высокий и довольно жесткий, хоть и несомненно женский, с добродушно-насмешливой интонацией произнес:

– Откуда же мне было знать, что и он здесь окажется?

Профессор Смайлл сообразил, что это жизнерадостное восклицание относилось не к нему, из чего ему не без удивления пришлось заключить, что где-то поблизости находится кто-то третий. Когда из тени тиса вышла леди Диана Уэйлз, как всегда сияющая и решительная, он заметил, что ее преследует живая тень, и нахмурился еще больше. Поджарая аккуратная фигура Леонарда Смита, этого угодливого работника пера, вынырнула сразу же вслед за ней. По-собачьи чуть наклонив набок голову, он улыбался.

– Вот черт! – пробормотал Смайлл. – Они все здесь! Все, кроме того маленького хозяина зоопарка с моржовыми усами.

Он услышал, как негромко рассмеялся отец Браун. И действительно, с каждой секундой положение все больше и больше напоминало какую-то комедию, даже фарс, поскольку, едва профессор это произнес, его слова были опровергнуты самым комичным образом: из какой-то дыры в земле неожиданно вынырнула круглая голова с нелепым черным полумесяцем усов. В следующую секунду они поняли, что дыра эта – на самом деле большая яма, в которой установлена лестница, ведущая в земные недра, это и был вход в подземный склеп, ради которого они сюда и приехали. Маленький человечек первым нашел вход и уже успел спуститься на несколько перекадин, теперь же он поднял голову, чтобы обратиться к попутчикам. Чем-то он напоминал какого-то нелепого могильщика из шуточной постановки «Гамлета». Густым голосом он коротко пробасил в густые усы: «Это здесь», и все вдруг поняли, что, хоть и обедали с ним за одним столом целую неделю, сейчас он заговорил с ними впервые. К тому же, несмотря на то что этот господин и был англичанином, разговаривал он с довольно необычным иностранным акцентом.

– Дорогой профессор! – с обезоруживающей прямоотой весело воскликнула леди Диана. – Вы так заинтересовали всех нас своей византийской мумией, что я решила специально заехать сюда, чтобы взглянуть на нее. Я думаю, джентльмены почувствовали то же самое. Теперь вы просто обязаны нам все рассказать о ней!

– Мне о ней известно далеко не все, – серьезным, почти суровым голосом произнес профессор. – Я, можно сказать, даже почти ничего не знаю о ней. Все-таки довольно странно, что все мы так скоро снова встретились. В наши дни тяга к знаниям, надо полагать, дей-

ствительно безгранична. Но, если уж мы все решили посетить это место, отнестись к этому нужно ответственно, и, прошу меня простить, без ответственного руководителя нам не обойтись. Нам нужно известить того, кто руководит раскопками, хотя бы оставить наши имена в журнале.

Сие столкновение нетерпеливости леди с подозрительностью археолога продолжилось чем-то вроде небольшого спора, но в конце концов ученому удалось убедить всех в необходимости соблюсти правила и, чтобы не подставить под удар местного священника, порекомендовать со спуском. Маленький усач вылез из ямы, всем своим видом давая понять, что подчиняется этому решению с неохотой. К счастью, тут появился сам священник, седовласый благообразного вида господин, очки которого каким-то странным образом подчеркивали его сутулость. Сразу почувствовав расположение к профессору (как видно, он определил в нем собрата-коллекционера), пеструю компанию его спутников он удостоил лишь беглым, хоть и любопытным взглядом.

– Надеюсь, среди вас нет суеверных, – приятным голосом сказал он. – С самого начала хочу предупредить вас, что с этим местом связано немало проклятий и плохих знамений. Я как раз только что расшифровал латинскую надпись, обнаруженную над входом в часовню, и там говорится ни много ни мало о трех проклятиях: одно проклятие тому, кто войдет в опечатанную комнату, еще одно, двойное, тому, кто откроет гроб, и еще одно, тройное и самое страшное, – тому, кто прикоснется к золотой реликвии, которая хранится внутри. Первых два я уже навлек на себя, – добавил он с улыбкой, – но, боюсь, что и вам, если вы хотите вообще что-нибудь увидеть, не миновать первого, хоть самого незначительного. Если верить легенде, проклятия эти проявляются не сразу, а постепенно, через какое-то время. Не знаю, насколько это вас успокоит. – И на лице преподобного мистера Уолтерса снова появилась вялая благодушная улыбка.

– Легенде? – удивленно повторил профессор Смайлл. – Что еще за легенда?

– О, это длинная история, и легенда эта, как и большинство таких легенд, имеет множество вариаций, – ответил приходской священник. – Но она несомненно появилась на свет одновременно с этим захоронением. Содержание ее пересказывается на выбитой на стене надписи, и я могу вкратце ее пересказать: Ги де Жизору, лорду здешнего поместья, жившему в начале тринадцатого века, очень приглянулась прекрасная черная лошадь, принадлежавшая гемузскому послу, которую тот, будучи оборотистым купцом, соглашался продать только за огромную сумму. Алчность Ги привела к тому, что он пошел даже на осквернение могилы или, согласно одному из вариантов легенды, убил епископа, который здесь жил в то время. Как бы то ни было, суть в том, что епископ произнес проклятие, которое должно пасть на любого, в чьи руки попадет золотой крест, похороненный вместе с ним, и на того, кто попытается его забрать, после того как он будет закрыт в склепе. Феодал получил требовавшиеся ему для покупки лошади деньги, продав драгоценную реликвию городскому золотых дел мастеру, но в первый же день, когда он сел на нее верхом, лошадь вздыбилась и сбросила его прямо перед порогом церкви. Ги сломал себе шею. Тем временем несколько необъяснимых происшествий привели к тому, что купивший крест ювелир, до того богатый и процветающий, разорился и угодил в зависимость от еврея-ростовщика, жившего в поместье. В конце концов несчастный ювелир, оказавшись перед лицом голодной смерти, повесился на яблоне. Золотой крест вместе со всеми остальными его товарами, домом, мастерской и инструментами еще задолго до этого перешел в руки ростовщика. Тем временем сын и наследник феодального лорда, которого поразила смерть его нечестивого родителя, сделался религиозным фанатиком в суровом, мрачном духе той эпохи и принялся с рвением искоренять всякую ересь и безбожие среди своих вассалов. Таким образом, еврей-ростовщик, которого его отец, насмехаясь над бытовавшими тогда обычаями, пригласил у себя под боком, был беспощадно сожжен на костре по приказанию сына, то есть и он пострадал

за то, что какое-то время владел крестом. После трех смертей крест вернулся в могилу епископа, и с тех пор его никто не видел и ничьи руки не прикасались к нему.

На леди Диану этот рассказ произвел гораздо большее впечатление, чем можно было ожидать.

– Подумать только, – воскликнула она, – и мы будем первыми, кроме вас, святой отец, кто увидит его! Боже, как я волнуюсь!

Первопроходцу, обладателю больших усов и странного акцента, все-таки не пришлось воспользоваться лестницей, которую на самом деле просто оставил там кто-то из рабочих, занятых на раскопках, поскольку приходской священник отвел их к большому и более удобному входу, расположенному ярдах в ста от этой ямы, из которого сам лишь недавно вышел после обследования подземелья. Здесь спуск был довольно пологим, и единственную трудность составляла постепенно сгущающаяся в туннеле темнота. Вскоре их уже окружала крошечная тьма. Прошло какое-то время, прежде чем идущие гуськом исследователи увидели впереди слабый мерцающий свет. Во время этого молчаливого спуска один раз раздался звук, похожий на громкий вздох, но кто его издал, понять было невозможно. А еще они услышали проклятие на неведомом языке, прозвучавшее, точно глухой выстрел.

Наконец они вышли в круглую крипту, окруженную рядом арок закругленной формы, – часовня эта была построена еще до того, как первая стрельчатая готическая арка копьем пронзила нашу цивилизацию. Зеленоватое мерцание между двумя столбами указало на место второго хода во внешний мир и породило смутное ощущение, будто помещение находилось глубоко под водой, которое усилилось еще парочкой случайных и, возможно, надуманных соответствий. Например, на арках еще сохранился кривой норманнский орнамент, из-за чего в этой темноте он чем-то напоминал зубы чудовищных акул, а темневший в самой середине массивный саркофаг с поднятой крышкой тоже вполне мог сойти за разверстную пасть какого-нибудь левиафана.

То ли не желая нарушать обстановку инородными предметами, то ли из-за нехватки обычных современных приспособлений церковный любитель старины осветил подземную часовню лишь четырьмя длинными свечами в больших деревянных подсвечниках, которые расставил на полу. Когда компания вошла в небольшой зал, только одна из них горела, озаряя слабым дрожащим светом массивные архитектурные формы. Когда вошли все, священник зажег три остальные свечи, и сразу внешний вид и содержимое большого саркофага стали видны более отчетливо.

В первую секунду все глаза устремились на лицо мертвеца, сохраненное на века каким-то таинственным восточным способом, говорят, унаследованным со времен язычества и неизвестным простым местным могильщикам. Профессор не смог сдержать изумленного восклицания, поскольку, хоть лицо и было бледным, точно вылепленная из воска маска, сохранилось оно настолько хорошо, что казалось, будто лежащий в саркофаге человек спит и закрыл глаза какую-нибудь секунду назад. Широкое открытое лицо с выступающими костями походило на лик аскета или даже фанатика. Фигура была облачена в золоченую мантию и пышную ризу. На груди, под самым горлом, блестел пресловутый золотой крест на короткой золотой цепочке, или, вернее, ожерелье. Когда вскрывали каменный саркофаг, его крышку приподняли над изголовьем и установили на две толстые прочные деревянные подставки или столбики, упиравшиеся сверху в край крышки, а внизу вставленные в углы за головой мертвеца. Поэтому ноги и нижнюю часть фигуры рассмотреть было труднее, но свет свечи падал прямо на лицо, и, в отличие от его мертвенной белизны, золотой крест, казалось, шевелился и разбрасывал искры, как огонь.

После рассказа священника о проклятии с большого лба профессора не сходила грубая, задумчивая, а возможно, и тревожная складка. Женщина, наделенная особым чутьем,

не без примеси истерии, распознала значение его задумчивости лучше мужчин. В освещенной свечами крипте среди мертвой тишины неожиданно раздался ее голос:

– Умоляю, не прикасайтесь к нему!

Однако мужчина быстрым львиным движением уже шагнул к саркофагу и склонился над телом. В следующий миг все, стоявшие рядом, непроизвольно вздрогнули, кто отшатнулся, кто подался вперед, вжимая голову в плечи и пригибаясь, будто начали рушиться небеса.

Как только профессор коснулся пальцем золотого креста, установленные под небольшим углом деревянные подставки, поддерживавшие каменную крышку саркофага, вдруг дернулись и выпрямились, словно от толчка, каменная плита соскользнула с деревянных опор. У всех перехватило дыхание и засосало под ложечкой, появилось тошнотворное ощущение низвержения, точно всех их разом столкнули в пропасть. Смайлл успел отдернуть голову, но недостаточно быстро. В следующий миг он полетел на пол и распростерся рядом с саркофагом в луже алой крови, брызнувшей то ли из кожи головы, то ли из черепа. Старый каменный гроб захлопнулся, приняв тот вид, в котором он стоял веками, с той лишь разницей, что из небольшой щели выглядывали две палки, до жути похожие на кости, торчащие из рта великана-людоеда. Левиафан захлопнул каменные челюсти.

Устремленные на несчастного глаза леди Дианы горели безумным электрическим светом, в зеленоватой мгле ее рыжие волосы на фоне побледневшего лица приняли багровый оттенок. Смит смотрел на нее, и в наклоне его головы все так же было что-то собачье, но теперь это было выражение собаки, которая смотрит на охваченного ужасом хозяина, не в силах понять его состояния. Лица Тэррента и иностранца застыли в их обычном замкнутом выражении, только побелели как мел. Приходской священник, похоже, лишился чувств. Отец Браун присел рядом с упавшим, пытаясь определить его состояние.

Ко всеобщему удивлению, байронический типаж, Пол Тэррент, бросился к нему на помощь.

– Его лучше вынести наверх, на свежий воздух, – сказал он. – По-моему, дела у него плохи.

– Он не умер, – тихим голосом сказал отец Браун, – но рана, кажется, очень серьезная. Вы, случайно, не врач?

– Нет, но мне много чем приходилось заниматься в своей жизни, – ответил американец. – Однако давайте лучше сейчас не обо мне думать, тем более что моя профессия, возможно, удивит вас.

– Я так не думаю, – ответил отец Браун, слегка улыбнувшись. – Я думал об этом примерно половину нашего плавания. Вы – сыщик, преследующий кого-то. Впрочем, крест сейчас все равно никто не украдет.

Пока они говорили, Тэррент ловко и на удивление легко поднял не подающее признаков жизни тело раненого и бережно понес его к выходу. По дороге он повернул голову и бросил через плечо:

– Да, крест сейчас в безопасности.

– Вы хотите сказать, что-то угрожает всем остальным? – спросил отец Браун. – Вы тоже верите в проклятие?

Следующие час или два с лица отца Брауна не сходило озабоченно-недоуменное выражение, но его явно тяготило не потрясение от пережитого трагического события, а что-то другое. Он помог перенести жертву в небольшую гостиницу напротив церкви, поговорил с врачом, который определил, что рана очень серьезная и опасная, хотя и не обязательно смертельная, и передал эту весть маленькой группе путешественников, которые собрались за столом в общей комнате гостиницы. Но куда бы он ни ходил, его не покидала тень сомнения, которая становилась тем гуще, чем глубже он задумывался. И причиной этому было

то, что главная загадка не прояснялась, а наоборот, делалась все более и более запутанной по мере того, как в его голове начинали появляться ответы на другие загадки калибром поменьше.

Чем больше он начинал понимать характер и роль в происходящем отдельных людей, тем менее понятным становилось само происходящее. Леонард Смит оказался здесь из-за леди Дианы, а леди Диану привело сюда простое любопытство. Этих двоих связывал обычный светский флирт, глупый и бессмысленный, поскольку ни одна из сторон не придает ему особого значения. Однако романтизм женщины имел и суеверный оттенок, отчего страшное происшествие, которым окончилось ее приключение, повергло ее в настоящую прострацию. Пол Тэррент был частным сыщиком, возможно, нанятым какой-нибудь женой или мужем для наблюдения за развитием этого романа, или же следил за усатым лектором-иностранцем, который производил впечатление возможного нежелательного чужака. Однако же, если он или кто-либо другой намеревался похитить реликвию, намерению этому не суждено было осуществиться. И судя по всему, то, что помешало его осуществлению, было либо каким-то чудовищным совпадением, либо вмешательством древнего проклятия.

Стоя в непривычной глубокой задумчивости прямо посреди деревенской улицы между гостиницей и церковью, отец Браун вздрогнул от удивления, заметив, что на улице появился тот, с кем он недавно познакомился, но совершенно не ожидал увидеть вновь. Мистер Бун, журналист, на солнечном свете выглядевший еще более измученным, что только подчеркивало ветхость его одежды и прибавляло сходства с пугалом, шел, устремив темные, глубоко посаженные глаза (расположенные довольно близко друг к другу и разделенные переносицей длинного крючковатого носа) на священника. Последний не сразу заметил, что под его густыми темными усами скрывалось нечто вроде ухмылки или по меньшей мере недоброй улыбки.

— А мне показалось, вы собирались уезжать, — не очень приветливо произнес отец Браун. — Я думал, вы спешили на тот поезд, что два часа назад ушел.

— Как видите, я не уехал, — сказал Бун.

— Почему вы вернулись? — спросил отец Браун с некоторой строгостью в голосе.

— В таком райском сельском уголке журналисту можно и задержаться, — ответил тот. — Слишком уж тут интересно, чтобы возвращаться в скучный Лондон. К тому же я ведь имею непосредственное отношение к этому делу... Я имею в виду второе дело. Это ведь я нашел тело, ну, или по крайней мере одежду. Довольно подозрительное поведение с моей стороны, не правда ли? Может, мне нарядиться в его одежду, что скажете? А что, из меня вышел бы неплохой священник!

И тощий длинноносый фигляр выкинул неожиданную штуку: стоя прямо посреди сельской площади, в молитвенном жесте воздел руки в темных перчатках, потом вытянул их перед собой, изображая благословение, и затынул торжественным голосом:

— Возлюбленные братия и сестры мои, я хочу всех вас заключить в объятия...

— Что вы несете?! — воскликнул отец Браун и даже слегка ударил по камням стареньким потрепанным зонтиком, ибо был он тогда чуть менее терпелив, чем обычно.

— О, вам все станет понятно, если расспросите свою веселую компанию в гостинице, — насмешливо скривился Бун. — Этот ваш Тэррент, кажется, подозревает меня, только потому что это я нашел одежду, хотя, приди он сам на минуту раньше, ее бы нашел он. Впрочем, в этом деле и так сплошные загадки. А человек с большими усами не так прост, как кажется. По правде говоря, я считаю, что и вы могли бы отправить на тот свет этого беднягу.

Отца Брауна это предположение не смутило ни капли, но, похоже, довольно сильно удивило и обеспокоило.

— Вы хотите сказать, — простодушно произнес он, — что это я пытался убить профессора Смайлла?

– Вовсе нет, – Бун милостиво взмахнул рукой с видом человека, идущего на большую уступку. – Вокруг полно мертвецов – выбирайте сами. Вы не ограничены одним профессором Смайллом. Вы разве не знали? Тут есть кое-кто и помертвее профессора Смайлла. Мне только непонятно, почему вы не выбрали более тихий способ покончить с ним. Религиозные распри, знаете ли, и все такое... Прискорбная разобщенность в христианском лагере... Вы ведь всегда хотели заполучить обратно англиканские приходы.

– Я возвращаюсь в гостиницу, – спокойно произнес священник. – Вы говорите, люди, собравшиеся там, поняли бы вас. Что ж, надеюсь, они смогут растолковать ваши слова.

Однако намерениям его не суждено было сбыться. Сразу после этого разговора его внутренние сомнения были развеяны известием о новой беде. Едва переступив порог маленького обеденного зала, в котором собрались остальные участники группы, и увидев их бледные лица, он понял, что все они потрясены каким-то происшествием, случившимся после случая в спальнице. Одновременно с тем, как он вошел, Леонард Смит произнес:

– ...Когда же это наконец закончится?

– Говорю вам, это никогда не закончится, – промолвила леди Диана, глядя в пустоту стеклянными глазами. – Это не закончится, пока мы все не закончимся. Проклятие погубит нас всех, одного за другим... Наверное, не сразу, как говорил несчастный священник, но мы все погибнем, как и он.

– Что на этот раз случилось? – мрачно осведомился отец Браун.

Некоторое время все молчали, потом Тэррент замогильным голосом произнес:

– Мистер Уолтерс, приходской священник, наложил на себя руки. Я думаю, это на него ужас от случившегося так подействовал, но боюсь, что сомневаться не приходится. Мы только что нашли его черную одежду вместе со шляпой на скале, нависшей над берегом. Надо полагать, он бросился с нее в море. А я ведь сразу заметил, что он как-то странно выглядел, будто немного тронулся. Наверное, нужно было присмотреть за ним повнимательнее. Но тут столько всего творилось!

– Вы бы все равно ничего не смогли сделать, – сказала женщина. – Разве вы не видите? Рок распоряжается нами, вершится в какой-то жуткой последовательности. Профессор дотронулся до креста и пал первым, приходской священник вскрыл могилу и пал вторым, мы всего лишь вошли в склеп, и теперь...

– Подождите! – резко оборвал ее отец Браун, что за ним нечасто водилось. – Это нужно остановить.

Хоть брови священника все еще были задумчиво насуплены, растерянность в его взгляде сменилась светом понимания. Но то был взгляд прозревшего человека, которого увиденное заставило ужаснуться.

– Какой же я дурак! – пробормотал он. – Я же должен был давным-давно догадаться. История о проклятии должна была раскрыть мне глаза...

– Вы что же, – требовательным тоном произнес Тэррент, – хотите сказать, что нас всех погубит что-то, случившееся в тринадцатом столетии?

Отец Браун покачал головой и выразительно, хоть и негромко, произнес:

– Не знаю, может ли нас погубить что-то, случившееся в тринадцатом столетии, но я совершенно уверен в одном: то, чего никогда не было, ни в тринадцатом столетии, ни в любом другом, нас погубить не может.

– Что ж, – сказал Тэррент, – по крайней мере, приятно видеть священника, который так скептически относится ко всему сверхъестественному.

– Вы ошибаетесь, – спокойно ответил священник. – Я ставлю под сомнение не сверхъестественную, а естественную часть этого дела. Я полностью согласен с человеком, который сказал: «Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное»²⁰.

– Парадокс! – прокомментировал Тэррент.

– Здравый смысл, если правильно это утверждение, – возразил отец Браун. – Всегда естественнее поверить во что-то сверхъестественное, касающееся вещей, которых мы не в состоянии понять, чем во что-то обыкновенное, противоречащее тому, что мы хорошо понимаем. Если вы скажете мне, что великого Гладстона²¹ в его последние минуты посетил призрак Парнелла²², я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы заявите, что мистер Гладстон, когда его впервые представляли королеве Виктории, не снял шляпу в ее гостиной, похлопал ее по плечу и предложил сигару, тут уж у меня сомнений не возникнет. Это нельзя назвать невозможным, это всего лишь невероятно, но в том, что подобного не случилось, я уверен больше, чем в том, что призрак Парнелла не витал над смертным одром Гладстона, потому что это идет вразрез с теми законами мира, которые я понимаю. То же и с рассказом о проклятии. Я не верю не в легенду, я не верю в саму историю.

Леди Диана к этому времени уже почти вышла из охватившего ее пророческого экстаза Кассандры, и неиссякаемое любопытство ко всему новому снова засветилось в ее ярких больших глазах.

– Какой вы интересный человек! – сказала она. – А почему же вы не верите в историю?

– В историю я не верю, потому что это не история, – ответил отец Браун. – Для любого, кто хоть что-то знает о средних веках, то, о чем говорится в легенде, не более правдоподобно, чем рассказ о Гладстоне, предлагающем королеве Виктории сигару. Кто-нибудь из вас знает что-нибудь о средневековье? Вы знаете, что такое гильдия? О *«salvo managio suo»*²³ вы когда-нибудь слышали? А что за люди были *Servi Regis*²⁴, вам известно?

– Нет, я, разумеется, ни о чем таком не слышала, – довольно раздраженно произнесла женщина. – Так много латинских слов!

– Разумеется, нет, – кивнул отец Браун. – Если бы мы имели дело с Тутанхамоном и несколькими высушенными африканцами (одному Богу известно, для каких целей) на другом конце света, если бы это была Вавилония или Китай, если бы это был представитель какой-нибудь расы столь же далекой и загадочной, как лунные человечки, газеты рассказывали бы об этом все, вплоть до последней находки – зубной щетки или запонки. Но люди, которые строили ваши же церкви и давали названия вашим же городам и ремеслам, улицам, по которым вы ходите, – вам никогда не приходило в голову узнать о них хоть что-нибудь? Я не хочу изображать из себя знатока, но даже мне понятно, что вся эта история полна нелепостей и от начала до конца – сплошная выдумка. В то время ростовщику запрещалось отнимать у должника его инструменты и мастерскую. Очень маловероятно, чтобы гильдия не помогла своему человеку и не спасла бы его от полного разорения, тем более если он попал в оборот к еврею. У тех людей тоже были свои пороки и трагедии; иногда они пытались сжигали на кострах других людей, но рассказ о человеке без веры или надежды в душе, который, оставленный всеми, добровольно пошел на смерть, потому что никому не было до него дела, звучит совершенно не в духе средневековья. Подобное – продукт нашего развитого времени, где всем правят деньги и прогресс. Еврей не мог быть вассалом феодаль-

²⁰ Слова из эссе Оскара Уайльда «Упадок искусства лжи» (1889). У Уайльда: «Люди могут поверить в невозможное, но никогда в невероятное».

²¹ Гладстон, Уильям (1809–1898) – английский политический деятель, премьер-министр.

²² Парнелл, Чарльз Стюарт (1846–1891) – ирландский националист.

²³ «За исключением инструмента» (лат.).

²⁴ Слуги короля (лат.). Статус евреев в средневековой христианской Европе. Правитель мог брать с них дань за казны, но в то же время был обязан в случае опасности защищать их.

ного лорда. Евреи-ростовщики обычно занимали особое положение слуг короля. И главное – иудея не могли сжечь за его религию.

– Парадоксы множатся, – заметил Тэррент. – Но не станете же вы отрицать, что евреи подвергались гонениям в средние века?

– Правильнее было бы сказать, – ответил отец Браун, – что они единственные люди, которые не подвергались гонениям в средние века. Если вам когда-нибудь понадобится высмеять средневековье, достаточно будет сказать, что в те времена иного несчастного христианина могли сжечь заживо за неправильное понимание единосущности Христа Богу, хотя какой-нибудь богатый иудей мог открыто насмехаться над Христом и Богородицею. Такова наша история. Она не имеет ничего общего со средними веками. Это даже не легенда о средних веках. Она сочинена кем-то, чьи знания почерпнуты из романов и газет, а то и вообще состряпана без всякой подготовки.

Остальных это отступление в историю, похоже, немного удивило и заставило подумать, отчего это священник уделяет этой легенде столько внимания и считает ее такой уж важной частью загадки. Но Тэррент, профессия которого предполагала умение выхватывать самое важное из многочисленных хитросплетений и отходов от темы, вдруг насторожился. Борода его выдвинулась вперед дальше, чем обычно, печальные глаза вспыхнули.

– Тат-так! – воскликнул он. – Значит, состряпана без подготовки... Хм!

– Ну, возможно, это я немного преувеличил, – откровенно признался отец Браун. – Наверное, правильнее было бы сказать, что ее автор уделил ей меньше внимания, чем остальному своему плану, продуманному до мелочей. Только заговорщик не подумал, что кто-то станет обращать внимание на подробности средневековой истории. И его расчет оказался почти так же верен, как все остальные его расчеты.

– Чьи расчеты? Кто оказался прав? – неожиданно энергично вскричала леди Диана. – Кто этот человек, о котором вы говорите? Разве мы еще не достаточно натерпелись и без ваших непонятных «он» и «его»?

– Я говорю об убийце, – ответил отец Браун.

– Об убийце? – резко спросила она. – Это что же, вы хотите сказать, что бедного профессора убили?

– Насчет «убили» – это еще вопрос, – пробормотал в бороду Тэррент, который, похоже, о чем-то напряженно размышлял. – Мы не знаем, было ли это подстроено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.